

Марианна Красовская

Нани Кроноцкая

Тени Лъена

Книга 2

Марианна Красовская

Тени Льена. Книга вторая

«Автор»

«Автор»

2026

Красовская М.

Тени Льена. Книга вторая / М. Красовская — «Автор», «Автор»,
2026

Самая хитрая воровка Льена попала в сети ловчей службы. Вместо суда и плавучей тюрьмы Оливии настоятельно предложили послужить на благо родине. Слишком уж беспокойно в Галлии в последние дни: заговоры, убийства, бродячие по улицам Льена мертвецы... И неизвестно еще, что стало самым весомым аргументом: золото, обещание свободы или обаяние начальника ловчей службы. Впрочем, достойных мужчин вокруг Оливии оказалось даже слишком много...

© Красовская М., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Как птица	5
Глава 2. Экипаж	9
Глава 3. Вот такие пироги	13
Глава 4. С небес вниз	17
Глава 5. На грешную землю	20
Глава 6. Вот и поговорили	24
Глава 7. Сонная провинция	29
Глава 8. Непростительное	33
Глава 9. Болотные твари	37
Глава 10. Лошадка	41
Глава 11. И покойник	45
Глава 12. И собаченька	48
Глав	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Марианна Красовская

Тени Льена. Книга вторая

Глава 1. Как птица

Серая хмарь Льенской осени осталась далеко под ногами. А вокруг было небо, огромное, синее-синее, многослойное, словно песочный пирог с малиной. Вокруг величественно проплывали пики облачных великанов. Так близко, что мне казалось — их можно потрогать руками. Снизу же, у самой земли, вяло ползли пропитанные сыростью сизые тучи. Словно портовые грузчики после трёхдневной попойки. А сверху сияло солнце. Кто бы мог подумать, что небеса — это и вправду целый мир?

И я теперь — его часть. Стою, плотно закутавшись в тёплый непромокаемый плащ с капюшоном, и глаз не могу отвести от такой красоты. А в душе — давно забытый восторг. Сбылась моя мечта, та самая, несбыточная, детская. Я лечу на дирижабле, точнее, — на магдирижабле. Смешное название, мне понравилось.

Яхор мне рассказал, что формально его изобретение уже нельзя назвать аэростатом. Это не воздушный шар с узкой гондолой, болтающейся под ним, уже не та хрупкая и неустойчивая конструкция, какой была в начале их экспериментов. Вытянутый, похожий на сигару резервуар для газа опутан металлическими тросами. Гондолу почти не болтает, так, покачивает, словно корабль на волнах. И как у каждого корабля, у нас есть капитан и сразу два управляющих мага: воздушник и огневик.

Яхор увлечённо рассказывал мне об этом чуде техномагии. Два двигателя, с десятков накопителей, хвостовые “перья”, устойчивая и разумная конструкция. Во чреве гондолы — четыре отдельных каюты, кухня и крошечная гостиная со специальными креслами для полёта в плохую погоду. И, разумеется, “трюм” с запасами топлива, провианта и питьевой воды.

А ещё можно было подняться наружу, на верхнюю палубу, соединённую с рубкой центрального управления кораблём и, свесившись через деревянные перила, заглянуть вниз, на проплывающую прямо под нами осеннюю Галлию. Прекрасную даже холодной и мокрой осенью!

Квадраты полей, леса, хищно очерившиеся щётками веток, чёрные зеркала озёр и причудливые изгибы речных русел. Когда наш корабль поднимался вверх, к облакам, всё это великолепие выглядело настоящим катаяским ковром, ярким и драгоценным.

— Пойдём выше над облаками, не хотелось бы врезаться в этакую махину, — крикнул Яхор, с какой-то шальной улыбкой подставляющий лицо ветру, и кивнул на гигантское белое облако, стремительно наступавшее прямо на нас. — Шли бы вы в каюту, Оливия! Если не успеем подняться, здесь может быть очень опасно и холодно.

— Мы полетим через облако? — обрадовалась я. — Потрясающе!

— Очень надеюсь, что нет! — Яхор рассмеялся и всё же накинул мне на пояс петлю страховочного ремня. Щёлкнула тяжёлая стальная пряжка. — Крепче держитесь, Оливия! Огюст, жару! — крикнул он в торчащую рядом медную воронку и дважды дёрнул за толстый рычаг.

Корабль резко вздрогнул, послышался гул огромных моторов, заработавших в полную мощь, и начался стремительный подъём. Мы с Яхором стояли плечом к плечу. Я нисколько не боялась его металлической руки, уже зная историю этого удивительного человека. Вообще все на борту нашего корабля были непростыми людьми, ну, кроме меня, конечно. Так уж вышло, что я оказалась единственной женщиной среди мужчин — да каких мужчин!

Командовал всей экспедицией лорд Тьен Оберлинг, а капитаном воздушного судна с чуждым названием “Минем шабаки” был Яхор Кима. Вторым пилотом, несмотря на вялое сопро-

тивление, назначили Огюста. Он хоть и слабый, но всё же огневик. Вот и пришлось бедняге следить за двигателями, трубами и нагревательными артефактами, что регулировали температуру газа в секторах оболочки.

Четвёртым членом экипажа, к моей тайной радости, стал доктор Ли, неожиданно заявивший, что не имеет права оставить Яхо без присмотра. Если в больницу можно пригласить другого целителя, то на борт брать, кроме него, больше некого. А наш инженер — слишком ценный для Галлии человек, чтобы его лишиться из-за какой-то дурацкой гангрены.

Пятым участником секретной экспедиции на борту была я, а шестой Тьен собирался взять Розанну. Но её муж, Роберт, вполне ожидаемо воспротивился и был, разумеется, прав.

Так мы и остались без штатного некроманта.

— Нет, нет и ещё раз нет, — лорд Стерлинг хмурил светлые брови и гневно кривил тонкие губы. — Разумеется, нет. Я не отпущу свою жену с... вами.

Вот это воспитание! Одним только тоном передать всё, что он думает о нашей славной компании! Я в кои-то веки была с ним согласна.

Тьен Оберлинг — тот ещё пройдоха, теперь я поняла это совершенно точно. Куда нам с Огюстом до него! Главная разница в том, что с его происхождением, деньгами и связями он мог называть свои авантюры “прожектами” и получать на них разрешение самого короля. И если его планы не укладывались в строгие рамки закона, он менял не планы, а законы. Миром правят такие, как он.

Со мной и Огюстом всё понятно: мы воры.

Яхора лорд Стерлинг за что-то недолюбливал, но назвать нашего инженера дурным человеком язык не повернулся бы ни у кого. А доктор Ли — это доктор Ли. Признаться, я была счастлива узнать, что он остается с нами, и даже не потому, что он мне страшно понравился. Просто после близкого знакомства моего бедра со случайной пулей я была уверена, что хороший целитель ни в каком “прожекте” лишним не будет.

Нам он точно понадобится. И боюсь, что не раз.

— Нам нужен некромант, Роб, — вкрадчиво мурлыкал Тьен с видом самым умильным. — Пойми, у нас тут мертвецы, ритуалы и прочая магия смерти. Никак без некроманта не выйдет. А Розанна всё же на контракте у ловчей службы.

— Если ты так желаешь, она уволится, — пожимал плечами Стерлинг, ничуть не впечатлённый. — Я её муж. Я запрещаю.

— У неё есть право выбора, она тебе жена, а не рабыня, — недовольно напоминал Тьен, переводя взгляд на некромантку.

Вид у Розы был настолько цветущий, что я с насмешкой подумала: нельзя ей отлучаться далеко от мужа. Как целителю нужно регулярное восполнение резерва, так и некроманту тяжело без своей пары. А начальника департамента техномагии мы вряд ли куда-то потащим с собой.

Сомнения разрешил Алистер. Он опять прибыл инкогнито, в маске и чёрном плаще, и все делали вид, что короля не узнали. Эта нехитрая игра позволяла присутствующим пренебречь манерами.

— Роберт прав! — задумчиво произнёс венценосный инкогнито, ковыряя ногтем подлокотник кабинетного кресла. — Я не позволю увезти из столицы единственного практикующего некроманта. Это слишком опрометчиво. Особенно в нынешней ситуации.

Стерлинг нахмурился, закусил губу и покраснел некрасиво, рваными пятнами. Кажется, он только сейчас сообразил, что его супруге в нашей компании, быть может, даже безопаснее. Но уже поздно. Его Величество поставил точку в этом споре.

— Но без некроманта никак, — проворчал Тьен. — Что же нам, на поклон к Ди Гриньону ехать?

Не сразу я сообразила, кого Оберлинг имел в виду, а сообразив, испуганно переглянулась с Огюстом. Маркус ди Гриньон, король Франкии! Неужели нам придётся покинуть Галлию? Я вдруг ощутила себя мелкой и глупой птахой, подхваченной ураганом. Один король, теперь другой! Кто мне встретится на пути дальше? Катайский император? Славский государь? Может быть, степной хан?

— Ты прекрасно знаешь, что именно во Франкии находится родовой замок всех некромантов, — заметил мягко Алистер. — С архивами и... всем остальным.

Розанна вдруг побелела и гулко сглотнула. Стерлинг обеспокоенно подхватил её под руку и сердито заявил:

— И это ещё одна причина, по которой моя жена туда не вернётся.

Интересно, а здесь какая скрыта тайна? Вероятно, неприятная, гадкая, потому что Тьен внезапно согласно кивнул. И во взгляде великого ловчего, быстро брошенном в сторону побледневшей Розы, явно мелькнула тень сочувствия. Тьен умеет подобное? С каждой минутой всё интереснее...

— Пусть так. Посмотрим, что скажет нам про это... — он потряс какой-то потрёпанной книжицей перед носом короля, — Маркус. И в архивы заглянем. Кстати, а что насчёт кольца?

— Какого кольца? — явно удивился король Галлии.

Тьен напрягся. В такие моменты он всегда становился до боли похожим на собаку-ищейку. Или на волка?

— Того самого, что ты забрал у меня.

— Я ничего не забирал. Все кольца в хранилище ловчей службы. Ты же сам сказал, что так безопаснее.

— Я... — Тьен вдруг нахмурился. — Да, говорил. Но...

— Но?

— Я ошибся, Ваше Величество. Устал очень, — он весьма достоверно потёр лицо руками, почему-то сердито покосившись на меня. Уж не подозревает ли он меня в чём-то противозаконном? Снова? Не брала я больше никаких колец! Я вообще в последние дни вела себя отвратительно разумно! “Утерянные” моими новыми подругами украшения не в счет. К тому же они все остались в гостинице. — Итак, нам нужен магдирижабль. Подпишите бумаги, будьте любезны. Один пилот есть, это Яхор. При необходимости я смогу его заменить. Но нужен ещё один, огневик. Оливия, ты ведь маг?

Я испуганно поглядела на него и замотала головой. Да какой я маг? Во мне лишь искры силы. Я едва справляюсь с маг-светильниками!

— Вода, — прохрипела я. — Я водник. Очень-очень слабый. Шестой уровень.

— Жаль. Огюст?

— Четвёртый, — неохотно пробормотал франкиец. Я прекрасно понимала, что он тоже не горел желанием возвращаться на родину, но, в отличие от Розанны, защитников у него не нашлось. — Огонь. Но я никогда не учился.

— Это не страшно, — хищно ухмыльнулся Тьен. Конечно, он прекрасно знал, какая магия у Огюста, и спрашивал лишь для проформы. — Научим. Из тебя выйдет отличный пилот.

Так значит, магический дирижабль! Я опустила ресницы, с огромным трудом скрыв восторг. В небеса! Я буду летать! Никогда я не думала, что мне представится такой шанс, мои мечты казались детскими, пустыми. Но теперь я была счастлива, что оказалась втянута в эту страшную историю. И когда Тьен спросил, не желаю ли я остаться в Льене, я с возмущением заявила, что, конечно же, лечу с ними.

И не только воздушный корабль тому причиной. Я никогда не была во Франкии, но очень хотела её увидеть. И... доктор Ли вызвался лететь вместе с Яхором, предварительно дерзко потребовав у Его Величества направить нескольких новых докторов в “его” госпиталь. Король

ворчливо заметил, что госпиталь принадлежит короне, а никак не доктору. После небольшого, но увлекательного спора, в котором упоминались Изабелла, её отец и её брат, решение было принято. Алистер дал королевское слово, и Ли, совершенно успокоившись, принялся составлять список того, что нужно будет взять в путешествие.

И только тогда я вспомнила, что оказалась в охотничьем домике совершенно без багажа.

Марианна Красовская & ©Нани Кроноцкая 2024 специально для ЛитРес

Глава 2. Экипаж

Каюта у меня была крошечная, зато собственная — роскошь, доступная единственной даме на корабле. Узкая откидная койка, под которой имелся ящик для багажа, прикрученный к стене стул да умывальник. Мужчины распределились парами: Тьен жил вместе с Огюстом, а доктор Ли — с Яхором. Имелось на борту, впрочем, ещё несколько мест, где можно будет расположить ещё пару пассажиров. Галюн, к сожалению, общий, но я и не ждала особых удобств. В любом случае — мы летим!

Обязанности повара мужественно поделили Огюст и доктор Ли. Тьен пытался было намекнуть, что у женщин готовить получается лучше, но франкиец, попробовавший мою стряпню, содрогнулся и запротестовал. Уж лучше он сам. Я не спорила, хотя пожарить котлету и порезать сыр была вполне в состоянии. Не думаю, что полёт наш продлится пару недель. Мы вполне способны обойтись галетами и чёрным кофе.

Гостиная, которую Яхор на морской манер называл кают-компанией, была самым роскошным помещением на корабле. Пол тут украшали толстые цветистые ковры, на низких диванах разбросаны цветные подушки. Немного смущало лишь то, что вся мебель в гостиной крепко прикручена к полу. А ещё мне как-то не очень нравились три кресла с широкими кожаными ремнями на пряжках. Сразу вспоминалось, что мы не просто праздные путешественники. К сожалению, Фатум не всегда на нашей стороне. Кресел я, разумеется, избегала, предпочитая диван и подушки.

Но больше всего мне нравилось стоять возле круглых иллюминаторов. За толстым стеклом клубится молочно-белый туман. Мы поднимаемся сквозь облака. Я уже научилась отличать это непривычное ощущение тяжести подъёма, когда кажется, будто всё тело вдруг наливается свинцом, от возбуждающей лёгкости спуска. Яхо ведёт наш корабль ему одному лишь понятными небесными тропами.

Волшебник!

Тьен развалился на диване с той самой потрёпанной тетрадью. Вид у него совершенно беззаботный. Он меня, признаться, раздражает.

— Разве вы не пилот, Себастьян? Почему вы не на мостике?

По негласному общему соглашению — в экипаже теперь все равны. В болтающемся посреди неба судёнышке нет ни милордов, ни безродных воровок.

— Я — запасной, — небрежно бросает он, не отрываясь от созерцания записей в тетради.

— Почему? — любопытствую я. — Вы ведь куда более сильный воздушник, чем Яхор. Разве вы не должны управлять дирижаблем?

Строго говоря, единственный совершенно бесполезный человек на борту — это я. Но я — исключение. Истинное украшение всей этой разношёрстной компании. Мне все рады.

— Спорное утверждение... — Тьена ничуть не смущает мой тон. Наконец, отложив своё чтение, Оберлинг всё же садится, укладывая тетрадь на колени, и задумчиво мне улыбается. — Я всего лишь воздушник, а Яхо — сын ветра.

— Это как? — морщю лоб я.

Мне нравится стоять на почтительном и безопасном расстоянии от Оберлинга и смотреть на него сверху вниз.

— Ну, на степном диалекте это значит, что у него нет отца, — усмехается Оберлинг, не сводя с меня взгляда. — Но всё гораздо интереснее. Он разговаривает с ветром.

Тьен выглядит совершенно расслабленным. Одежда на нём в беспорядке, широкая чёрная блуза измята, жилет вовсе расстёгнут. Сползшие шелковые носки обнажают волосатые щиколотки. Но теперь я не обманываюсь. Волк всегда остаётся хищником.

— Вы шутите? — неуверенно спрашиваю я. — Как можно разговаривать с ветром? Это же всё равно, что вести беседы с ясенем. Или гадать по воде.

— Не шучу... — не сводя с меня взгляда, Тьен задумчиво почесал переносицу. Я поёжилась и отступила ещё на шаг. — Я и в самом деле не знаю, как он это делает, Оливия. Но факт есть факт. Я управляю стихией с помощью магии. А Яхор просто договаривается с ветром. И стихия послушна ему.

Богиня, как всё сложно! Никогда я не слышала такой чепухи! Проклятый Оберлинг, не понять, шутит он или нет. Скорее всего, ему просто весело. А Яхор — отменный инженер, который управляет кораблём с помощью хвостовых “перьев” и руля, а не магией. Ему даже Огюст не так чтобы нужен. Во всяком случае, я чаще вижу франкийца в камбузе, чем на верхней палубе.

— Ну да! — всё же фыркнула я. — Куда проще просто лежать на диване и...

— Лив, скажи... ты смогла бы украсть кольцо из хранилища ловчей службы?

Мне тут же вспомнился их диалог с Алистером. Неужели милорд Оберлинг опростоволосился?

— Что вы, милорд?! — я воскликнула, тут же картинно всплеснув руками и закатывая глаза. — Да я никогда бы, я...

— Не ёрничай. Ты же профессионал и явно успела оценить систему замков и защитные артефакты хранилища. Только правду мне, Лив. Да или нет?

На этот вопрос я могла бы ответить и сразу. И всё же позволила себе сделать задумчивый вид, явно нервирруя Тьена.

— Нет... — после напряжённой паузы в несколько тягуче-долгих минут, наконец неохотно признала я. — Четыре дублирующих системы, куча сигналок и редкий артефакт отвода глаз. Даже если представить себе на минуту, что всё здание главной ловчей службы вдруг опустеет, и некому будет услышать тревожный сигнал, всё равно — нет.

Оберлинг посмотрел на меня с уважением.

— Огюст совершенно согласен с тобой. Но...

— Но кольцо всё же пропало.

— Я начинаю тебя опасаться, леди воровка.

— Только теперь?

В ответ Тьен молча поднял обе руки, якобы признавая своё поражение.

— Алистер может врать? — я тут же решила воспользоваться моментом. Когда ещё можно дожидаться приступа откровенности от Тьена? Ужасно интересно, во что я всё-таки вляпалась.

— Детка, врать могут все. Ты встречала неврущих людей?

— Ну-у-у...

— Если подобные и рождаются, долго они не живут, уж поверь. А уж король... Но про кольцо он не врал. Я давно научился отличать ложь Алистера.

Тьен тяжело вздохнул, снова взяв в руки тетрадь.

— У каждого сейфа есть ключ, — собравшись с духом, выдала я то, что вертелось на языке. — Иногда его можно просто открыть.

— Иди сюда.

Тьен подвинулся на диване и коротко похлопал рукой с собой рядом, весьма недвусмысленно приглашая сесть с ним рядом. Когда он разговаривал таким тоном, одновременно мягким и повелительным, не было никакого смысла противиться его просьбам-приказам.

Я подчинилась, отчасти ведо́мая любопытством. Похоже, разговор предстоял непростой.

— Что-то ещё пропало из этого сейфа? — присев на диван, я нервно сжала руки на коленях и уставилась на задумчивого Оберлинга.

— Умничка. Нет. Как раз накануне нашего поспешного отъезда я провёл тщательную ревизию его содержимого. И недосчитался кольца.

— Ключ был только у вас?

Много раз я вскрывала сейфы и тайники, делая слепки с ключей, непростительно легкомысленно брошенных кем-то из членов семьи. Может...

— Копия была лишь у короля.

— Оу...

Только и смогла я выдавить. Это совершенно меняет дело. Вокруг короля всегда толпится куча народу. Вряд ли он спит ночью, зажав в кулаке ключ от сейфа ловчей службы. Глупость какая. Зачем ему вообще дали доступ к главным государственным тайнам? Ах да. Он же король. Его Величество просто повернут на личном контроле.

Тьен наклонился ко мне, словно желая шепнуть что-то на ухо. Я заёрзала и нервно схватила в руки маленькую бархатную подушку, словно отгораживаясь от его близости. Тихо спросила:

— А остальные на месте? Ну... кольца.

Тьен хищно прищурился, заправил мне за ухо выбившуюся из причёски прядь волос и, наклонившись ко мне, прошептал:

— А вот это, малышка, совершенно не твоего ума дело.

Мы сидели так близко, что я ощутила дыхание Тьена на своём лице. Сейчас я ударю его подушкой! А лучше — вцеплюсь ногтями в эту наглую морду! Оберлинг вдруг радостно мне улыбнулся и дунул прямо в нос. От неожиданности я зажмурилась.

— Простите, я, кажется, вам помешал.

Звуки до боли знакомого мужского голоса буквально обрушились на мою голову. Как будто бы получив увесистую оплеуху, я отскочила от Тьена.

— Ничего доктор, мы с Лив уже... закончили.

Выдержав неприятную паузу, Оберлинг потянулся ко мне и выхватил из судорожно сжатых рук злосчастную подушку.

Метнув в него негодующий взгляд, я подскочила, тут же наткнувшись на доктора.

В его светлых глазах легко читалось неодобрение. Я застыла, молча глядя на него. О чём он сейчас подумал?

— Обед! — провозгласил из недр корабля Огюст, радостно колотя в медные тарелки.

Спустя буквально считаное мгновение в круглом проёме прохода явился и сам несчастный.

— Прошу к столу! Лив, солнышко, специально для тебя сегодня особое блюдо — малиновый пирог! Я ведь помню, ты обожаешь малину.

Меня начало вдруг трясти. Щёки опалило огнём. Никогда я не стыдилась своего прошлого так сильно, как теперь. Какое мнение теперь сложит Лиам обо мне? Сначала — на диване с Тьеном. Теперь столь явный намёк от Огюста. Даже дураку понятно, что мы знаем друг друга куда ближе, чем нужно для общего дела. Лиам сделал длинный шаг вбок, словно брезгуя даже стоять рядом с такой, как я.

— Я не голодна! — резко ответила я. — И я терпеть не могу пироги!

— Но ты же...

— Отстань!

— Напрасно ты капризничаешь, Оливия, — мягко заметил Яхор, заносящий в кают-компанию стопку металлических тарелок. — Огюст очень хотел тебя порадовать.

— Я не просила!

Инженер поглядел на меня с мягким укором и покачал головой.

— Как ребёнок, честное слово, — пробормотал он под нос. — Нельзя так обращаться с теми, кто...

— Хватит! — мой голос сорвался на крик. — И нотаций ничьих я не просила.

Я невольно бросила взгляд в сторону доктора. Мне показалось, что он усмехнулся с каким-то презрением.

Это было последней каплей. Я сжала кулаки, вскинула подбородок и вылетела из гостиной, чувствительно задевая плечом Огюста. Меня колотило.

— Я старался! — крикнул вслед франкиец. — А ты даже не попробовала!

Мне так хотелось выглядеть перед доктором Ли достойно, но выходило, в общем-то, так, как оно было на самом деле. Прошлого не стереть, не спрятать. Я воровка и бывшая любовница Огюста. И мне будут об этом напоминать снова и снова.

Глава 3. Вот такие пироги

Огюст поставил на стол красивый песочный пирог и тяжело опустился на диванчик.

— У нашей девочки совсем сдали нервы, — посетовал он. — Неудивительно, впрочем, на неё столько всего навалилось. Зря мы взяли её с собой.

— Женщины сильнее, чем ты думаешь, — отмахнулся Тьен. — Где ты нашёл малину в конце осени, друг мой предприимчивый?

— Украл, конечно, — укоризненно пожал плечами франкиец, разрезая пирог. — Тебе ли не знать?

— Это не он нашёл, а я, — несколько виновато улыбнулся Яхор, задумчиво расставляя тарелки. — Когда покупал провиант в экспедицию, подумал, что лишним не будет. Не всё же галетами и капустой питаться. Мы же всё-таки маги, нам для восполнения сил просто необходимо сладкое. У меня целый стазисный сундук, там ещё шоколад, орехи... Клубника даже осталась.

Тьен фыркнул и выпрямился. Он, конечно, сразу подумал о том, что для восполнения сил любому магу куда нужнее женщина под боком. Но увы, он сам женат. Оливия, конечно, милашка и острая штучка, но как женщина она ему неинтересна. Хотя дразнить её забавно. Девочка ещё не умеет держать удары и вспыхивает, будто спичка. Научится...

Яхор тоже никогда не взглянет ни на кого, кроме Беллы. А вот Огюст совершенно свободен. Только Оливия его терпеть не может. И упрекнуть её за это не смог бы даже миролюбивый Яхор, если бы знал все подробности этой давней истории. Сам Тьен личные дела графьев Шардан успел изучить вдоль и поперёк...

Остаётся один доктор, но этому и в голову не придёт приударить за хорошенькой воровкой. Не того воспитания мужчина. А зря, между прочим. Жизнь и без того сложная и порой неприятная штука. Нужно уметь пользоваться всеми её подарками.

— Итак, сегодня на обед у нас жареное мясо, пшённая каша и пирог, — сообщил Огюст, ловко раскладывая довольно аппетитную жёлтую массу по железным тарелкам. — И ещё всё-таки нам хотелось бы знать ваш дальнейший план действий, милорд. Мы летим, летим... И куда же?

Все присутствующие повернулись к Тьену, который делано улыбнулся и тихо напомнил:

— Матушка всегда учила: никаких разговоров за едой.

— Благослови богиня леди Милославу, — хмыкнул Яхор. — Уверен, она сейчас смотрит на нас с неба. Но бабушка также говорила, что выходить без шапки в зимний лес — сущее безумие. Полагаю, ты должен выдать нам всем шапки, Тьен, иначе мы рискуем отморозить уши. Если уж мы вдруг решили последовать всем советам мудрейших покойниц.

Тьен закатил глаза. План? Не было у него никакого плана. Он и сам не знал, что делать дальше. Но признаваться в собственной глупости нельзя, он здесь самый опытный, на его плечах — ответственность за команду. А ещё где-то внизу остались его жена и дети, да и Макс в заточении. Поэтому самое время блефовать. Привычное, в принципе, дело. Всю жизнь он занимается именно этим.

— Нам нужен собственный некромант, — наконец нехотя ответил он. — Это первая задача. Покушения на Алистера буквально воняют магией смерти. Письма, опять же. Клинок, которым был убит банкир. И заметьте: куда бы мы ни шли — на нашем пути появляются восставшие мертвецы.

— У нас есть серебряные пули, — пожал плечами Яхор. — И четверо метких стрелков. И дирижабль, позволь напомнить. Среди облаков мы вряд ли встретим какую-то нечисть.

— В банк пришло целое кладбище. В револьвере всего шесть пуль, а потом он бесполезен. К тому же кольца, кольца...

— При чём тут кольца? — не утерпел Огюст.

— При том, — отрезал Тьен. — Все эти вещи взаимосвязаны. Кольца, поднятые кладбища, убитый банкир, розовые письма, покушения на Алистера. У нас заговор, господа, заговор против короны. И кольца — первая ниточка к заговорщикам.

Тьен врал уверенно и вдохновенно. Даже сам себе искренне верил. Только так и нужно вести за собой армию.

Яхор наморщил лоб, почесал нос железными пальцами.

— Я видел твои кольца. Старая работа, довольно грубое литьё, но камни в них огранены тонко и искусно. Все — из одной формы. И сразу смело можно утверждать: делал их вовсе не простой ювелир. Маг-артефактор, мастер старой школы. Таких почти не осталось, осмелюсь предположить, что их автор или давно мёртв, или очень-очень стар. Кто их изготовил, Тьен?

— Пока не знаю, но есть одно подозрение.

— А сколько их всего, этих колец? — задал важный вопрос Огюст. — Одно из них хранилось в семейном сейфе Бонвингов. Род старей, влиятельный. Но с деньгами у них негусто, всё имущество в залоге. То же самое со вторым кольцом. Оно принадлежало Цвенгам, верно? И картина та же самая: древний род и долги... Логично предположить, что кольцо было двенадцать. Столько, кажется, числится в списке старейших семей Льена? По одному на род.

— Нет, — покачал головой Тьен. — Не может быть. Вольги отпадают, у Оберлингов подобного никогда не было, я бы знал. Браенги — тоже минус. Стерлинги... не уверен. Ты можешь хоть примерно предположить возраст этих игрушек, Яхор? И принцип работы?

С этими словами Тьен вытянул из-за ворота длинную тускло поблескивающую цепочку и снял её с шеи. Тихо звякнули кольца, подвешенные на ней. Яхор подцепил её пальцами здоровой руки и поднял кольца к свету прочно прикрученного к потолку магического светильника.

— Два камня в глазницах — это накопитель и преобразователь, — с готовностью ответил инженер, внимательно разглядывая пару артефактов. — Полагаю, что энергию в кольцо можно ммм... поместить путём какого-то ритуала. А высвободить... ну, тоже каким-то ритуалом. Что до возраста... я могу лишь предположить, что... Нет. Не уверен, нужна лаборатория. У меня здесь её нет.

— Нам нужен грамотный и сильный некромант, — мрачно подвёл итог Оберлинг. — Даже будь с нами Роза, её скромных знаний явно было бы недостаточно.

На этот раз все кивнули, даже доктор, который участия в разговоре не принимал, только слушал внимательно.

— И где мы возьмём такого редкого некроманта? — спросил осторожно Огюст.

— В Брюсте. Есть там один перспективный юноша.

— Неужели в этой зад... в таком захолустье может найтись что-нибудь ценное? — насмешливо вскинул брови франкиец. — Разве мы не можем просто попросить помощи у короля ди Гриньона?

— И превратить внутреннюю проблему в политическую миссию? — усмехнулся зло Тьен. — А ты уверен, что за всеми этими покушениями не стоит именно Франкия?

Сам Тьен точно знал, что Маркус ди Гриньон никакого отношения ни к кольцам, ни к заговорам не имеет. Кольца были сделаны на территории Галлии и никогда её границ не пересекали. Он в целом даже мог с уверенностью назвать имя злосчастного мастера. Но подозрения — это одно. Их к делу не пришьёшь. Нужны доказательства.

Огюст сумрачно замолчал.

— Итак, Брюст, — Яхор поднялся из-за стола. — Я на мостик, проверю курс. Теперь хотя бы понятно, куда двигаться.

Тьен кивнул. Всё верно, первая бусина этого странного ожерелья имеет все шансы найтись именно в Брюсте. А там видно будет. По бусинке, по камушку — глядишь, и соберут они всю картину.

Я лежала на узкой жёсткой полке и смотрела в лакированный дощатый потолок. Зачем полетела? Я тут явно лишняя. От меня нет никакого толку, одни проблемы. Прогулка далеко не увеселительная, какое уж тут веселье, когда у меня даже платьев приличных нет. Для женщины это очень важно, а для красивой женщины — вдвойне. А уж для той, которая немножко... самую малость влюблена в одного из соседей по дирижаблю, отсутствие гардероба и вовсе трагедия!

Всё, что лежало в ящике под койкой, я могла перечислить очень быстро. Две чёрные юбки (из гардероба Розанны, наспех подшитые под мой рост). Рубашка с жабо (как ни странно, тоже из шкафа некромантки). Платье серое, скучное. Бельё. Чулки. Одна пара! Мужские брюки, разумеется, чёрные. Тёплый плащ и широкополая шляпа с перчатками.

Всё. И как скажите, приличная дама должна этим довольствоваться? Ужасно, ужасно!

Интересно, мы так и будет летать над полями, лесами и горами? Или все-таки завершим наше путешествие где-нибудь в цивилизованном месте, где есть если не приличный портной, то хотя бы нормальная лавка с готовой одеждой? Уж я бы тогда вытряхнула кошелек Оберлинга! Пусть корона расплачивается за мое унижение!

Только отпустит ли он меня? Сомневаюсь. Я же могу сбежать, это не так уж и сложно. Тьен же не знает, что прочнее всех клятв королю меня держит в их не слишком приятной компании. И не узнает, надеюсь.

Хорошо бы, конечно, побывать в Труанне, этой модной столице Франкии! Но теперь я что-то сомневаюсь, что меня вообще выпустят с дирижабля.

Можно было бы попросить мужчин купить хоть что-то в лавке готового платья, но я крепко подозревала, что они все равно не разбираются в женских нарядах и даже не смогут подобрать нужный размер. Доктор Ли, выбирающий мне чулки и перчатки? Смешно. Да и неловко просить будущего любовника принести тебе чулки. Как-то преждевременно.

Злость — плохой советчик. Злость, ревность и стыд — тройне хуже. Но мне было плевать. И так понятно, что никакого будущего у нас с ним нет, незачем и мечтать о несбыточном. Но прикоснуться к объекту вожделения я могу. Соблазню его и дело с концом. По крайней мере, будет что вспомнить.

Любовников у меня не было очень давно. Год или даже два. А любовников, которым я по-настоящему доверяла, и вовсе... никого, кроме Огюста. После того, как он меня бросил, я пробовала завести отношения, но оказалось, что одной физической близости для удовольствия мало. Мои мужчины могли быть хороши в постели, но душу никак не затрагивали. Поутру всегда было тоскливо и тошно от самбй себя. И я решила, что это того не стоит. А может, я просто боялась снова обжечься, поэтому сбежала сразу же. Привязанность — слишком большая роскошь для воровки.

Тьен Оберлинг был идеальным кандидатом в покровители. Умный, сильный, богатый. Накрепко женат. Никаких сантиментов, чисто деловые отношения. В ловчего я влюбляться не собиралась ни при каких обстоятельствах.

Доктор Ли мне не подходил ни капли. Строгий, холодный, да ещё и нищий. Наверняка и в постели ханжа. Тем страннее было то чувство, которое я к нему испытывала. Почему он? Вот и узнаю. Соблазню его, разочаруюсь в мужчинах окончательно и успокоюсь.

Именно так.

Приняв окончательное решение, я поднялась с койки, умылась, переплела волосы. Покусала губы, пощипала щёки — довольно мне выглядеть бледной немочью. Жаль, косметика тоже вся осталась в гостинице. И духи. И драгоценности. И набор отмычек. Крысья задница, Оберлинг, ты мой должник по край жизни!

Если уж я болтаюсь между небом и землёй в летающем корыте, я хочу получить от этой странной ситуации максимум! Что же, доктор Ли, готовьтесь. Я стащу с вас штаны при первой же возможности.

Моё появление в кают-компании фурора не произвело. Разумеется, в платье с чужого плеча сложно быть неотразимой, как ни старайся. Розанна выше меня, и фигура совсем другая. Что же, буду играть теми картами, какие есть.

— Господа, прошу прощения за истерику, — задержав взгляд на Лиаме, я похлопала ресницами и слабо улыбнулась. — Я очень устала за последние дни. Впредь постараюсь держать себя в руках. Огюст, твой волшебный пирог ещё остался?

— Да, детка. Кофе тебе налить?

— Будь так любезен.

— Не переживай, Лив, мы все ели пирог и остались живы, — хмыкнул Оберлинг, поднимаясь. — Наш дорогой граф — талантливый кулинар. И у него точно нет повода нас травить.

Огюст возмущённо засопел.

— Я, пожалуй, пойду на мостик к Яхо. Приятного аппетита, Лив.

— Я тоже не буду вам мешать, — тут же поднялся доктор Ли. — Если понадобится — я у себя в каюте.

Проводив взглядом рослую фигуру доктора, я рвано вдохнула и порывисто отвернулась, тут же наткнувшись на сочувственный взгляд Огюста.

— Ты меня удивляешь... — произнёс тихо франкиец. — Не узнаю свою Лив.

Я резко выпрямилась. Захотелось сказать ему что-нибудь гадкое, злое. Как он смеет лезть в мои дела? Какое вообще ему дело до моих мыслей и чувств? Выдохнула, прикусила губу и... От очередной истеричной выходки меня остановило выражение его лица. Он ухмылялся так откровенно и понимающе, что мне захотелось ударить его револьвером в переносицу. Сломать, наконец, аристократически-высокую спинку его ровного носа, он всегда меня страшно бесил.

— И малину я ненавижу!

— Это всё объясняет!

Глава 4. С небес вниз

— Это Брюст? — я с любопытством разглядывала городок под нами. — Мы там остановимся?

— Нет, где-нибудь рядом, на подходящей поляне, — с готовностью пояснил Яхор. — Подальше от праздных зевак. В этом захолустье вряд ли видели дирижабль так близко, сразу набегут любопытствующие. Нам это не нужно.

— Ну... а в город мы разве не пойдем? — В моем голосе отчетливо прозвучало разочарование. — Мне нужны новые ботинки. Помимо всего прочего.

— В город отправятся Тьен и Огюст. Они должны найти некроманта.

Я задумалась. Некромант — это не так уж и страшно. Во всяком случае, от Розы было много пользы. Но ещё один мужчина в нашей тесной компании — что он с собой принесет? И все же это лучше, чем женщина. Женщины коварны и хитры. Я не слишком их люблю.

Надо будет попросить франкийца купить мне хотя бы чулки и перчатки. У него есть вкус, он справится. Только вот я с ним в последние дни не больно-то ладила. Согласится ли он помочь? Можно попросить по-хорошему... но так не хочется!

— Я вижу подходящее для посадки место, — встрепнулся Яхор. — Лив, иди в салон, пожалуйста, и пристегнись. Шардан, на мостик! — рявкнул инженер в медную воронку. — Выходим на посадку, всем занять свои места!

Я послушно спустилась по узенькой лестнице в чрево гондолы и, нырнув в узкую круглую дверь, оказалась в полусумраке кают-компаний. Памятуя свой опыт поездок в мобиле, распутала связку ремней в одном из кожаных кресел, села в него и пристегнулась. По правую руку опустился доктор Ли, по левую совершенно бесшумно скользнул Оберлинг.

— Я родился и вырос в Льене, — неожиданно заговорил доктор. — И никогда не покидал его надолго. В Брюсте и вовсе не бывал ни разу.

— Захудалый городишко, — поморщился Тьен, зачем-то закатывая рукава свежей белой рубашки. — Маленькие дома, болтливые люди, узкие кривые улочки. Скукота тут.

— Звучит заманчиво... — Ли вдруг полоснул меня нечитаемым взглядом и отвернулся к иллюминатору.

— Всего и есть, что железнодорожная станция. — Тьен тут же вытянул шею, явно пытаясь что-то высмотреть из-за широкого плеча доктора.

— Значит, не такой уж и захудалый город? — нервно хмыкнула я, сжав подлокотники пальцами и вжимаясь в мягкую спинку кресла. Снижение ощущалось очень отчетливо, меня будто вжало в кресло.

Не далее как вчера Яхор нам увлеченно рассказывал, что самое опасное в полете — это взлет и посадка. Естественно, теперь я начала волноваться, хотя до этого даже мыслей не было, что может что-то случиться. Мне хотелось зажмуриться и, возможно, даже напомнить мысленно Фатуму, что мне умирать никак нельзя, я слишком молода и красива. Мои заледеневшие пальцы внезапно накрыла теплая ладонь доктора.

— Вы дрожите, Оливия. Неужели так страшно?

— Вовсе нет. Просто тут немного холодно.

Гондолу затрясло, закрипели снасти, натужно загудели двигатели. Я прикусила губу и внезапно подумала, что бес с ней, с опасностью. Если Лиам так и будет держать меня за руку, я готова взлетать и приземляться вечно.

— А выходить будет можно? — тихо спросила я Тьена.

— Можно, но не думаю, что нужно, — пожал плечами Оберлинг. — Дирижабль не садится на землю. Сейчас наши отважные аэронавты его пришвартуют к чему-нибудь... Оди-

нокое дерево или скала. или даже высокая дымовая труба — все сойдется. Потом скинут веревочную лестницу и по ней...

— Шею можно свернуть! — не выдержала я, вполне отчетливо себе представляя, как лезу по этой вот... с позволения сказать, лестнице. Размахивая юбками, словно уличная акробатка.

— Тебе и не нужно! — безжалостно припечатал меня Оберлинг. — Ты ведь понимаешь, что мы пришвартуем наш корабль в стороне от Брюста? Мы ведь не стремимся стать предметом сплетен для всей округи на ближайшие месяцы, а возможно, и годы! Появимся незаметно, уйдем точно так же. Я очень на это надеюсь. А красивая молодая женщина, в таком... кхм... необычном костюме, неизбежно привлечет всеобщее внимание. В маленьком провинциальном городке ты станешь бомбой, Лив. Ну зачем тебе это? Вокруг лес. Наверху однозначно безопаснее. Если что — Яхор поднимет дирижабль в считанные минуты.

Кажется, Тьен меня уговаривал. Он был совершенно серьезен и тщательно подбирал слова. Не помню подобного поведения за милордом. И это мне совершенно не нравилось.

— А вдруг я захочу размять ноги? — я прищурилась, внимательно всматриваясь в непроницаемое лицо главного ловчего Галлии.

— Детка, поверь, — он снова вздохнул, переводя взгляд на доктора, словно ища в нем поддержки, — это не самая здравая идея. Не волнуйся, мы постараемся вернуться как можно быстрее.

От внимания Оберлинга не ускользнуло и то, *что моя рука накрыта мужской ладонью*. Тьен тихо фыркнул. Я вздрогнула и отвернулась. Рука доктора тут же исчезла.

— Концы спущены, швартовка закончена, можно спускаться! — голос Шардана заставил меня обернуться. Док тут же расстегнул ремни и поднялся, протягивая мне руку.

— Пойдемте, проводим наших путников.

Возражать ему не хотелось, и уже через несколько быстрых минут я с плохо скрываемой завистью я наблюдала за тем, как Оберлинг и Шардан уходят по тропинке в сторону Брюста. Мужчины! Почему им достается самое лучшее? Тем более, что это цивилизация, где, наверное, есть приличные лавки и трактиры. И собственный некромант — а значит, не нужно опасаться бродячих мертвецов среди бела дня.

Доктор быстро исчез, оставив меня наедине с Яхором. Инженер был сосредоточен на приборах, что-то подкручивал, постукивал, разглядывал, поправляя увеличительные очки, и на меня не обращал ни малейшего внимания. Что ж, не буду ему мешать.

Нас на дирижабле остались всего трое... один из которых очень-очень занят. Вот и славно. Доктор Ли, не прячьтесь от меня. Нам предстоит серьезный разговор.

Лиам Соверьен снова нашёлся в кают-компании с книгой. Такой серьёзный, задумчивый... великолепный!

Когда я вошла, он на мгновение отвлёкся, поправил очки, кивнул мне молча и снова уткнулся в книгу, а я прошла к иллюминатору, нарочно задев колено мужчины плотной тканью единственной юбки.

Он рвано вздохнул, но взгляда от книги не оторвал. Почему?

Как так вышло, что все прочие мужчины перестали для меня существовать? И Тьен с его замашками тирана и ядовитыми шутками, и Огюст с фривольными намёками, и даже Яхор, которого я искренне считала своим другом... Они — лишь декорация. А интересен мне только один.

Вот этот.

Только рядом с доктором предательски потеют ладони и сбивается дыхание. Путаются мысли, заплетается язык. Порой я даже не слышу, что он говорит: просто замороженно смотрю на его губы.

Вот так.

Известная галлийская воровка и авантюристка влюбилась по уши в доктора из госпиталя для нищеты. Видимо, потрясения последних недель знатно размягчили мой мозг, больше ничем подобную глупость я объяснить не могу.

А этот сухарь, увы, даже не замечает меня. Он — как запертый замок самой хитроумной из всех возможных конструкций. А отмычек к нему я никак не могу подобрать. И ключей тоже нет. Что же делать? Мне очень нужно открыть эту дверь и проникнуть в сокровищницу его души.

Почему же он снова молчит? Нас же здесь только двое. Хоть бы поговорил... А ещё лучше — прикоснулся ко мне. Ох уж эти мужчины, всё нужно брать в свои руки!

Придётся действовать проверенными методами. Тяжко вздыхаю, с мученическим видом потирая виски. Морщусь. Доктор тут же бросает на меня внимательный взгляд поверх страниц. Медленно, не обращая на него внимания, я разворачиваюсь назад и пройдя несколько шагов в сторону выхода, покачнувшись, обессиленно хватаюсь за косяк.

Ли тут же вскакивает, забывая про книгу: врач же.

— Оливия, как вы себя чувствуете?

Станный вопрос. Как на приёме в больнице. Но что-то в его интонации настораживает меня. Неужели он понял? Нет. Не так быстро.

— Голова... кружится, — абсолютно честно отвечаю я, ощущая всей кожей его очень близко за своей спиной.

— Давно?

— Уже пару недель, — и снова ни слова лжи.

— Ещё что-то болит? — шаг ещё ближе, и он прижимается грудью к моей спине. Недопустимо, непозволительно-близко.

— Нет, — я резко выдохнула, облизнув пересохшие губы. — Не болит. Колени иногда слабеют, сердце колотится.

Вот как сейчас.

— Почему вы не говорили? — строго спрашивает доктор, и его тёплые пальцы мягко скользят по моей шее. — Дыхание хаотичное и поверхностное. Сердцебиение... — Моё запястье обхватывает мужская горячая ладонь. — Учащённое! Рекомендую постельный режим и отдых. Идите в постель, миледи.

Последняя фраза прозвучала так мягко и так участливо, что я обернулась, оказавшись нос к носу с доктором, ощущая его дыхание на губах.

— Проводите?

— Конечно.

Глава 5. На грешную землю

Огюст никогда не любил высоты, предпочитая ощущать твёрдую почву под ногами. Он и на мостике бывал редко, предпочитая нести свою вахту в моторном отсеке. Теперь же предстояло спуститься, — но тонкая верёвочная лестница, сброшенная из чрева гондолы вниз, на землю, не вызвала у франкийца ни малейшего доверия. Её последние ступени были крепко привязаны к печной трубе какого-то весьма сомнительного каменного строения с черепичной крышей, густо поросшей мхом.

— Не любишь заброшенные дома? — ехидно полюбопытствовал Тьен, стоящий по левую сторону, в шаге от выхода. — Опасаешься привидений?

— Опасаюсь сломать себе шею, — буркнул франкиец, тут же вспомнив слова Лив. Он бы охотно уступил ей право сопровождать Оберлинга. Но... — Никогда не умел лазать по верёвкам, я же не акробат.

— Лестница не верёвочная, — пояснил громко Яхор, тут же вынырнувший из-за плеча. — Это витые железные тросы, я сам их придумал. К тому же она зачарована. Не тонет, не горит, не...

— Да понял, я понял... — Огюст громко выдохнул и попытался шагнуть на круглую планку первой деревянной ступени.

— По лестницам такой конструкции лучше спускаться, развернувшись спиной! — догнала его фраза Яхора.

— Почему это? — громко фыркнул Огюст, покосившись на явно веселящегося Тьена..

— Потому что так ты сохранишь равновесие и не потеряешь баланс, — пояснил Яхор, подходя ближе. — Видишь ли, когда ты спускаешься спиной вперёд, у тебя лучше обзор и ты можешь точнее ставить ногу. Это особенно полезно на таких крутых и узких лестницах.

Огюст, хоть и буркнул что-то недовольно себе под нос, всё же развернулся и начал медленно спускаться, следуя совету. Так и в самом деле было удобнее.

— Спасибо за подсказку, — бросил он, спустившись на высоту своего роста.

Яхор улыбнулся, явно довольный тем, что его опыт оказался полезным.

— Всегда рад помочь, друг. В нашем деле каждая мелочь важна, особенно когда речь идёт о безопасности.

Огюст кивнул, снова поймав насмешливый взгляд Оберлинга. Ну да, к акробатическим этюдам Шардан не привычен, он всегда предпочитал добывать бумаги и информацию вполне традиционно: через дверь. По крышам и водосточным трубам обычно порхала Оливия.

— Милорд, ваша очередь... — произнес тихо Яхор, проводив взглядом франкийца, довольно ловко соскользнувшего на широкую кирпичную трубу, а затем ниже по крыше.

— Ждешь нас не больше трёх дней. Утром четвёртого дня отправляешь Робу моё письмо летуном и возвращаешься. Лестницу не убираешь, вход...

— Проникнуть сюда просто так невозможно. Подняться вверх смогут лишь те, кто спускался. — Яхор осторожно достал из кармана целую связку небольших золотистых овальных пластинок. — Возможным гостям вручишь ключ.

— Что-то новенькое... — фыркнул Тьен, забирая всю связку. — За девочкой...

— Я присмотрю, — из-за двери показался всклокоченный доктор, держащий в руках какой-то странного вида пузырьёк из тёмного стекла. К его горлышку был привязан широкий кожаный шнурок. — Вот, возьмите, милорд, пригодится. Помогает не спать несколько ночей кряду и забыть о голоде. Я...

— Откат потом сильный? — подхватив пузырьёк двумя пальцами, Тьен внимательно присматрелся к нему.

Снизу раздался шум падающего тела и витиеватые ругательства на франкийском.

— И боль притупляет, — док уверенно кивнул и достал из кармана второй пузырёк на шнурке. — Отдадите Огюсту. Откат — два дня жуткой сонливости и сильный голод.

Тьен молча качнул головой, развернулся и живо спустился по лестнице вниз. Франкиец встречал его уже на крыльце мрачно смотревшего глазами узких чёрных окон дома.

— Дом пуст уже очень давно, — сообщил тихо он. — И заперт, но это не проблема совершенно. Где нам взять экипаж?

Тьен огляделся по сторонам, оценивая обстановку. С высоты птичьего полета она выглядела куда более приветливо.

— Нам нужно найти кого-то из местных, кто сможет подсказать, где можно раздобыть экипаж или хотя бы лошадь, — задумчиво произнес он. — Пойдем, там дорога в деревню. Я вроде бы видел горящие окна в домике на перекрестке. Обычно трактиры и постоялые дворы располагаются именно так.

Франкиец кивнул, не задавая больше вопросов. Любопытно, конечно, откуда у милорда столь обширные познания о придорожных тавернах, но для пустой болтовни точно не то время.

Они бесшумно двигались по узкой мощеной дорожке, внимательно вглядываясь в стремительно надвигающиеся сумерки. Вскоре впереди действительно стал заметен тусклый свет, пробивающийся сквозь ставни просторного низкого дома с широкой круглой площадью перед ним. Подойдя ближе, путники услышали приглушенные голоса и смех.

— Я был прав, это что-то вроде постоянного двора, — произнес Тьен, направляясь к двери.

Внутри было светло и многолюдно. Популярное местечко, сразу видно. Видимо, кормят тут вкусно, во всяком случае чувствительный нос Оберлинга сразу же уловил запах жареного мяса, тушеной капусты и свежих копченостей. Тяжелого духа тухлятины или испорченной еды не имелось вовсе. Коренастый мужчина с густой бородой, протирающий стаканы, мрачно уставился на посетителей, но промолчал, и Тьену пришлось заговорить первым.

— Добрый вечер, — подошел к стойке Тьен с независимым видом снимая перчатки. — Нам нужна помощь. Где мы можем найти экипаж? Мы... путешествуем, но вынуждены были отправить свой дилижанс обратно, в...

Он оборвал свою явную ложь на полуслове, быстро поняв, что в ней совершенно нет нужды. Здесь не задавали вопросов.

Мужчина окинул гостей совершенно равнодушным взглядом и кивнул в сторону самого дальнего и темного угла.

— Спросите у Тима, он обычно знает все, что происходит в округе, — сказал он, возвращаясь к своему занятию.

За небольшим столиком в тени потолочного ската сидел пожилой мужчина с седыми волосами и глубокими морщинами на лице. В ответ на его вопросительный взгляд Тьен снова повторил свои вопросы.

— Добрый вечер. Нам нужна помощь. Где мы можем найти экипаж?

— Экипаж... А чего ж не мобиль? У нас ведь тут станция извозчиков, хе-хе! — старик усмехнулся, потягивая из деревянной кружки нечто, остро пахнувшее крепким алкоголем. — У меня есть несколько лошадей. Какую именно вы хотите?

Тьен тяжело вздохнул, покосившись на Огюста. Лошадь под волком... Ну да, это было бы презабавное зрелище. Впрочем, в отличие от бедолаги Шардана, у всех Оберлингов имеются крепкие волчьи лапы. До Брюста добежать не проблема.

— Нам нужна одна лошадь, — выдавил он из себя наконец.

— Самая смиренная и удобная, — нервно добавил Огюст, мучительно вспоминая порядком подзабытые уроки верховой езды. Давно не покидавший столицы Шардан предпочитал комфорт и скорость более современного транспорта. Таксомобиль, извозчик, на худой конец — конка. Но верхом? Слишком экстравагантно даже для него!

— Есть и такая, — старик ухмыльнулся, и взгляд блеклых глаз насторожил обоих путников. — Чумою зовут...

Оставшийся на борту доктор предпочёл сбежать в тишину салона. Ему было беспокойно, даже тревожно.

Кажется, он окончательно теряет голову, становится беспечен и рассеян.

Когда последние крохи хвалёной невозмутимости рассыпались пеплом? Доктор отчётливо помнил ту ночь. Роскошный гостиничный номер, тяжёлый дух немощи, разметавшиеся на влажной подушке тёмные волосы. Женщина с телом богини и взглядом больного ребёнка. Тонкие пальцы, вцепившиеся в его ладонь, и собственные опрометчивые слова, прозвучавшие, словно клятва:

— Вы не умрёте, пока я рядом. Я обещаю. У вас обязательно всё будет хорошо.

Тем утром он просто сбежал, запрещая себе даже думать о ней. Но судьба вновь посмеялась над его планами. Она часто насмеялась над ним.

Лиам Соверьен любил свою жену. Она была его душой, его ангелом, светом всей жизни. Исцеляя других, он не смог спасти любимую — это ли не злая ирония Фатума? С того дня Лиам твёрдо решил остаток жизни посвятить высокому служению медицине. Не размениваться на внимание к собственным нуждам, не тратить на себя время и средства. Он дал слово, и сдержать его оказалось не так уж и сложно.

Работай в больнице от первого зажжённого уличного фонаря и до рассвета без выходных, выжигай свою силу до дна, каждый день отдавая себя нищим, сирым, больным и заблудшим. И уже очень скоро ты станешь похожим на серую тень. На бессмысленно бегающую по кругу усталую конку, запряжённую грустной голодной лошадкой.

В душе была пустота, которую ничто не могло заполнить. В первые несколько лет каждый день начинался болью и тоской, а воспоминания преследовали его, как призраки прошлого. Он часто ловил себя на мысли, что ищет её в толпе, надеясь увидеть знакомый силуэт или услышать её ласковый голос. Без неё дом стал холодным и безжизненным, каждый уголок напоминал о ней.

Но время, хоть и медленно, всё же лечило раны. Постепенно боль утихла, превратившись в светлую грусть. Он научился жить с этой утратой, находя утешение в воспоминаниях и продолжая любить свою Лючию. Ему так казалось. Он хотел бы так думать.

Пока эта темноволосая девушка с глазами ребёнка не ворвалась в его жизнь.

Одно робкое прикосновение, пара слов — и всё летит под откос. Перед глазами встают её пухлые губы, обветренные лихорадкой, бледность алебастровой кожи, тонкие белые пальцы, упругие кольца волос. Влажная прядь над высоким лбом. Волнующий запах, бархатный голос.

Почему так случилось?

Он давно запретил себе быть мужчиной и даже привык к этой роли, тщательно избегая доступных женщин. Восстанавливался после работы в больнице с помощью накопителей. Это всё Яхор и его изобретения — когда он пришёл в больницу и спросил про добровольцев, Лиам вызвался первым. Резерв у него был немаленький, и естественное восстановление шло мучительно медленно. С накопителями дело быстро пошло на лад, и целитель был абсолютно уверен в себе.

За это и поплатился. Нет, не вполне очевидные женские прелести Лив сыграли с ним столь злую шутку. Он ведь ещё достаточно молод, и мужское естество ещё требует выхода... Эта малодушная мысль поначалу казалась спасительной, сразу же все объясняя. Но лгать самому себе глупо. Сама того не заметив, эта женщина влезла ему под кожу.

Надо признать, она довольно долго ухитрялась его не замечать. А он наблюдал издали за компаньонкой Беллы Кимак с удивлением и любопытством. Откуда она взялась такая? Смелая, искренняя, по-детски непосредственная. Вся — словно открытая книга. Ещё не прочи-

танная история. В госпитале сестрицы кидали ей в спину презрительное: “Шлюха!” Он слышал это, но не верил. За годы работы с придонными обитателями туманного Льена доктор многое повидал. Усталые женские лица, погасшие раньше срока глаза. Похоть, низость, порок и падение в бездну. Он давно научился не судить людей. Не его это дело.

Лив была другой.

Она просто играла с людьми, словно с куклами. Искренне, радостно, от души забавляясь процессом, как малый ребёнок. Общалась с мужчинами, расточая лукавые взгляды и многообещающие улыбки, наслаждаясь своей маленькой женской властью.

Доктор не мог понять, что именно в ней его зацепило. Может быть, её способность оставаться цельной, чистой и светлой, несмотря на все обстоятельства? Или умение видеть в людях лучшее, даже когда они сами в себе этого не видели? Лив обладала редким даром, — она умела внушать надежду там, где, казалось бы, её уже не могло быть. Вставала с колен, улыбалась и шла вперёд не оглядываясь.

И вот он снова наблюдает за ней, убеждаясь: она особенная. Видит, как легко она находит общий язык с самыми разными людьми, слышит её звонкий смех, замечает, как её глаза вспыхивают во время рассказов Яхора про его многочисленные изобретения. Лив — само воплощение жизни и радости, и это притягивает к ней людей, как магнит. Даже таких, как потрепанный жизнью милорд Оберлинг или сложный Огюст.

Доктор с величайшим изумлением заметил, что его собственные дни стали светлее и теплее с тех пор, как эта несносная женщина появилась в его жизни. Её присутствие делало мир ярче.

И это его не на шутку встревожило. Нельзя поддаваться этому опасному обаянию, не время уступать искушению! Но глупое сердце начинало биться быстрее каждый раз, когда эта девочка была рядом. Лив изменила его, заставила вновь почувствовать себя живым и настоящим, и уже за одно это он был ей бесконечно благодарен.

Но...

Взрослый, сильный мужчина не имеет права на слабость. Ни при каких обстоятельствах.

Глава 6. Вот и поговорили

Всё ещё опасаясь поверить в происходящее, я делаю шаг в сторону выхода. Он бережно, но твёрдо обнимает меня за талию, и я едва удерживаюсь, чтобы не опустить голову ему на плечо. Как от него пахнет! Лекарствами, перечной мятой и... мужчиной. На пороге я спотыкаюсь о смявшийся край ковра (прокляни богиня Яхо с его любовью к степной роскоши!). Ли, конечно, не даёт мне упасть и легко подхватывает на руки.

— Бедная девочка... Вы совершенно выбились из сил, Оливия. Держитесь.

«Бедная девочка» всхлипывает и послушно обвивает руками его шею, чтобы удобнее было её нести, конечно. Богиня, благослови Яхо и его степные ковры! Жаль, что идти так близко, всего несколько шагов.

Открыть плечом дверь в мою каюту Ли умудряется так ловко, что я снова им невольно восхищаюсь. В его сильных руках я ощущаю себя по-настоящему слабой и хрупкой. Ещё ни с одним из мужчин я не чувствовала себя такой. Отчаянно хочется спрятаться на его широкой груди и забыться.

В два широких шага доктор преодолевает крохотное пространство каюты, потом бережно усаживает меня на койку и неуверенно смотрит. Неужели уйдёт? Только не это! Приходится тихо и жалобно всхлипнуть, бросив короткий и выразительный взгляд из-под ресниц. Разумеется, это срабатывает.

— Вас что-то ещё беспокоит? — его голос вдруг странно осип. Он стоит в шаге от меня, и я отчётливо слышу, как доктор пытается удерживать своё предательски сбившееся дыхание.

— Конечно.

Нервно облизываю губы, тут же снова ловя его тёмный, жадный, по-мужски голодный взгляд.

— Расскажите мне подробно. Не стесняйтесь, пожалуйста. Я ведь доктор, помните?

Выразительно смотрю на приоткрытую дверь за его спиной. Умница Ли тут же к ней разворачивается, быстро подходит, её закрывает и даже щёлкает запором. Всё идёт по плану.

— Сердцебиений вам недостаточно? — мрачно спрашиваю я. — Тогда ещё дышать тяжело и иногда в животе так... холодеет. Тянет будто.

— Сейчас тянет? — требовательно и строго спрашивает доктор, снова приблизившись к койке.

— Да-а-а.

Не сводя с него взгляд, я прижимаю ладони к животу и глубоко вздыхаю.

— Позволишь себя осмотреть? — смотрит пристально, поблёскивая очками в полумраке каюты.

Мы перешли вдруг на «ты»? Хлоп-хлоп ресничками, прикусила губу. Мне ведь только этого и надо!

— Осматривайте, доктор.

— Придётся раздеться. Прости, это действительно необходимо.

— Да, доктор. Если считаете нужным.

— Привстань, я помогу.

Я поднимаюсь навстречу, снова оказываясь к нему непростительно и волнующе близко. Горячие мужские ладони скользят по спине не спеша, изучающе. Сладко.

Молча выпутываюсь из его невольных объятий, раздвигаю волны кружева, обрамляющего декольте, и расстёгиваю первую крохотную пуговку, с вызовом глядя ему в глаза. Щёки пылают.

— Я сам, — его голос звучит низко и хрипло.

Сам так сам, разве я против?

Ли быстро и ловко справляется с мелкими петельками — вот что значит пальцы хирурга! Я утром возилась не меньше четверти часа. Блузка Розы чёрной плотной волной соскальзывает с моих плеч.

— Теперь юбка, — его взгляд становится серьёзным.

— А это зачем? — я отступаю на шаг.

— Мне нужно будет тебя полностью осмотреть, — док осторожно развязывает шейный платок.

С юбкой проще: два крючка сбоку, и она тяжело падает к моим ногам. Я остаюсь перед ним в одном лишь корсаже, простеньких панталонах и чулках.

Мужчина внимательно меня оглядывает, сглатывает. Его рука нервно сдёргивает с шеи платок и теребит верхнюю пуговку рубашки.

— Чулки тоже снимать? — спрашиваю я, глядя на его напряжённое лицо.

— Не... не нужно. Ложись... тесь, — док немного заикается, что вызывает у меня нескрываемый восторг.

Ух ты! Невозмутимый и холодный доктор настолько взволнован? Какая прелесть!

— А пиджак вы зачем снимаете? — интересуюсь я, откровенно им любуюсь.

— Чтобы не сковывал движения, — док на мгновение отворачивается и педантично вешает пиджак на спинку единственного в каюте стула. — Ложись, Лив, — он выразительно кивает мне в сторону койки, и я снова ловлю тёмный взгляд. — Я тебя осмотрю. Нужно будет тактильно... пальпировать. Живот, говоришь?

— И сердце? — подсказываю я, перешагивая через юбку и заодно скидывая туфли.

— Действительно. И сердце, — док тихо фыркает, улыбаясь мне краешком губ, отчего это самое сердце резко пускается вскачь.

Я осторожно присаживаюсь, перекидывая волосы на грудь, и потом медленно вытягиваюсь на койке. Ли не сводит с меня взгляда. Из-за расширяющихся зрачков глаза у него из ярко-голубых стали почти чёрными, аппетитные губы плотно сжаты. Какой неприступный!

— А рубашка вам движения не сковывает? — тихо спрашиваю, отодвигаясь от края. — Мне кажется, что она очень узкая.

— Нет, но... если тебя что-то смущает... — док начинает расстёгивать пуговицы, и я не могу скрыть своего восхищения.

Кажется, док вовсе не такой скромник, как казался. И ещё — совсем не дурак. Ах, какие у него плечи! Только ради его торса стоило сыграть весь этот бездарный спектакль!

— Итак, Лив, ты ничего не пропустила? — бросив рубашку на тот самый стул, доктор подошёл к койке вплотную и неторопливо склонился, заглядывая мне в лицо. — Сердцебиение. Слабость в коленях. Живот. Головокружение... Сухость во рту, да?

Жадно разглядывая его, я невольно облизываю пересохшие губы и хрипло добавляю:

— Мурашки.

В ответ он удивлённо изогнул левую бровь и опять приподнял краешек рта.

— И где же? — его голос звучит заинтересованно.

Я сделала вид, что задумалась.

— По спине. Вниз, — мой голос дрожит от волнения.

— Тревожный симптом. Но... мне их под корсажем не видно, — док наклоняется ближе, его дыхание становится прерывистым.

— Мне раздеться совсем? — я бросаю вызов, глядя ему прямо в глаза.

— Это очень бы помогло... для правильной постановки диагноза. Сложно увидеть невидимое, — док старается сохранить профессиональный тон, но его голос выдаёт волнение.

— Такними сам, — я чувствую, как моё сердце бьётся всё быстрее.

— С удовольствием, — он немного выбился из роли, но тут же поправил очки и спрятал усмешку в уголках губ. — И ради здоровья моих пациентов.

Он наклоняется ещё ниже и ловко расстёгивает стальные застёжки корсажа, выпуская на волю потяжелевшую обнажённую грудь. Длинные смуглые пальцы тут же неторопливо очерчивают её контуры.

— Пальпация?

Я снова фыркаю, не будучи в силах отвести взгляд от этой картины.

— Она самая.

Док плавным движением присаживается на край койки, и я тут же громко возмущаюсь:

— Эй, вы же врач!

Он тут же замирает, внимательно глядя мне прямо в лицо.

— Верно. И что тебя так возмутило?

— В брюках и на постель пациентки! Это негигиенично! Снимайте немедленно!

Теперь уже обе его тёмные брови насмешливо ползут вверх, но он покорно поднимается.

— Пожалуй, упрёк справедлив.

Громкий щелчок стальной пряжки ремня, шорох плотной ткани, и теперь мы с доком на равных. Я — в чулках и панталонах. Он — в одних лишь тонких, шелковых, с кокетливыми пуговками кальсонах. А доктор у нас сибарит, оказывается! Ли опускает глаза и, конечно, видит то, что я так пристально рассматриваю. Игра в доктора и пациента не оставила его равнодушным, и шёлк откровенно подчёркивает этот незыблемый факт. Невольно я протягиваю руку, чтобы потрогать... но моя ладонь тут же припечатывается к постели.

— Доктор тут я, — строго напоминает Ли. — И провожу осмотр тоже я. Будешь хорошей девочкой — я позволю тебе нечто большее. Позже.

Ого, у него есть зубки! И он умеет шутить! И прекрасно понимает, что делает! Я в восторге!

— Осматривайте, — умирающим голосом позволяю я, откидываясь на подушки.

Ли снова оказывается на кровати. Через тонкий слой ткани панталон, обтягивающей моё бедро, я чувствую пламя его кожи. Аристократически длинные пальцы с ровными овальными ногтями снова оглаживают мою грудь, вызывая те самые мурашки. Раскрытая мужская ладонь ложится мне на рёбра под грудь, как раз ровно над сердцем.

— Вот теперь вижу, — довольно заявляет Ли, склоняясь ещё ниже. — Всё верно. Но чтобы окончательно поставить диагноз...

Боги, он нависает над моей грудью и проводит по ней языком, медленно и влажно! Не сдерживаю всхлипа, выгибаюсь...

А-а-а! Из меня вырывается громкий откровенный стон.

— Хороший симптом! — До меня тут же доносится тихий смех, и мужчина переключается на вторую грудь.

Ох, вот это осмотр! Меня начинает трясти, я невольно цепляюсь за его плечи, жалобно постанывая. А Ли продолжает исследование: горячими губами, кончиками зубов, влажным языком и умелыми пальцами. Я извиваюсь под ним, раздвигая колени.

Губы быстро спускаются вниз, к животу.

— Да поцелуй же меня наконец! — требую я, хватая его голову.

Он отрывается от своей... нет, далеко не пальпации... и заглядывает мне в глаза. Я стаскиваю с него очки и кидаю куда-то в сторону. Сдёргиваю с его головы толстый шнурок, выпуская неизменный хвост. Чёрные волосы гладкой волной рассыпаются по плечам. Ли тут же меняется, он становится совершенно другим. Нет больше серьёзного и вдумчивого доктора, надо мной нависает дрожащий от нетерпения молодой возбуждённый мужчина с пылающими глазами и подрагивающими губами. Бездна! Это самый красивый мужик, которого я только встречала в жизни!

— Оливия... я готов поставить диагноз, — шепчет он, осторожно прихватывая зубами мочку уха.

— Неужели? — Мне вдруг становится страшно. Что он скажет? Посмеётся надо мной? Обвинит в распутстве? Мужчины... никогда не знаешь, чего от них ожидать!

— Острая потребность в любви, — с тихим смешком добавляет он, трепетными поцелуями покрывая моё полыхающее от смущения лицо.

Я выдыхаю облегчённо. Он снова не разочаровал меня.

— Это опасно, доктор? — Обвиваю руками его крепкую шею и тянусь за своим поцелуем.

— Крайне опасно! — прикосновение губ к кончику носа, уголку губ, снова к щеке. — Может вызвать полную потерю интереса к жизни.

— Я умру?

Снова тихий смешок.

— Не сегодня. К счастью, я хороший врач и знаю, как это лечится.

Я наконец-то ловлю его губы и в них выдыхаю:

— Так вылечи.

Он вдруг отстраняется и смеётся. По-настоящему, весело и заразительно. Никогда не видела его смеха, только улыбку, да и ту напряжённую. Какие тайны в тебе, док? Что за боль в глубине светлых глаз я всё ещё отчётливо вижу?

— Прямо сейчас и начну, — обещает Ли и наконец-то меня целует. Так, как я давно мечтала: горячо, жадно и нетерпеливо. Я всё же сумела сорвать доку крышу.

Он больше не сдерживается: целует, зарывается пальцами в мои волосы, уверенно раздвигает мои бёдра своим коленом. Я впираюсь ногтями в его предплечья, сильно, остро, наверное, до крови. Мне очень нужно сейчас почувствовать опору под пальцами. Он шипит, как разъярённый кот, сильным движением переворачивая меня на живот и раздвигая кулиски моих панталон[1].

— В следующий раз я свяжу тебя, дикая кошка.

Следующий? Ради этого я готова позволить ему что угодно.

— Обещаешь?

Рывок — и горячее гладкое тело накрывает меня. Он стремителен и жаден. Я охотно подаюсь бёдрами навстречу его натиску. Не слишком большой, но и не маленький — жаль, что не удалось ни разглядеть, ни потрогать. Но зато почувствовать — в полной мере. И руки у Ли длинные, как приятно, когда у мужчин длинные руки! Он дотягивается везде, где нужно, гладит, тревожит, ласкает, выбивая острые искры удовольствия. Никогда мне не было так сладко: пальцы ног немеют от наслаждения, тело танцует в его чутких руках. Крепкая рука закрывает мой рот.

— Тише, нас услышат.

Кто — Яхор? С мостика? Да плевать!

Мычу ему в ладонь, вся пылая. Мне надо, очень надо... да, его урчания в ухо, его сдавленного стога, его сильного последнего движения... Ох... волна, наконец, разбивается о камни, рассыпается брызгами, оставляя меня на берегу беспомощно и обессиленно хватать губами воздух. На глазах слёзы. Тело похоже на студень. Сил нет никаких.

Ли скатывается с меня к деревянной стене, переворачивает, укладывает на себя. Надо же, а я всё ещё в чулках...

Мы лежим несколько долгих минут, я с упоением слышу звук его сильного сердца под ухом, его всё ещё сбившееся дыхание. Вот так бы лежала всю жизнь. И зачем мне какие-то тайны всего королевства?

Идиллию разбивают сухие, отчётливые и болезненные слова, произнесённые словно не доктором.

— Я сегодня же выдам тебе противозачаточные пилюли. Не забудь их принять.

**Примечания авторов: Классические дамские панталоны — это две отдельные полотняные трубы, сшитые на талии. Отличительной особенностью кроя самых первых панталон, были раздельные штанины, которые крепились к поясу на талии, оставляя шов на уровне промежности открытым. Только в начале 20 века, вместе с исчезновением корсетов из женского гардероба, обе части панталон наконец-то были сшиты вместе.*

Глава 7. Сонная провинция

Чума оказалась вихрастой вороной лошадкой весьма почтенного возраста. Седая морда, провисшая спина под армейским седлом и раздутые рёбра намекали на то, что пройдоха-старик с явной выгодой для себя решил вопрос похорон полумёртвой кобылы. Своего нового ездока лошадь восприняла как некую неприятную неизбежность. Чума не прибавила шагу, как Огюст ни старался ускорить её неспешную рысь, как ни уговаривал поторопиться.

В Брюст они прибыли с первыми лучами холодного осеннего утра, и франкиец был вправе гордиться собой: лошадь выжила. Он спрыгнул с седла, ощущая усталость в каждой мышце и мысленно чертыхаясь на всех известных ему языках. Город ещё только начинал просыпаться, и узкие улочки окутывала туманная дымка, которая поднималась от земли и смешивалась с первыми солнечными лучами.

Сжалившись над скотинкой, Огюст спешил на подсохшей мостовой и похлопал Чуму по шее, благодаря её за терпение и выносливость. Она фыркнула в ответ, словно радуясь тому факту, что страдания наконец-то закончились.

Ведя вялую лошадь на поводу и проходя мимо сонных домов и лавок, Огюст чувствовал, как в нём растёт вполне справедливое раздражение. Он протёр усталые глаза, сердито оглядывая пустынные улицы Брюста, погрязшие в утреннем тумане. Где этот паршивец, будь он неладен, милорд Оберлинг? Куда грязные бесы опять утащили проклятого оборотня?

Они с Тьеном твёрдо условились встретиться на площади у центрального храма Богине. И что же? Шардан трижды уже обошёл и проклятую площадь, и улочки рядом с ней. Оберлинга здесь не было.

Огюст, как дурак, вышагивал по булыжной мостовой, и каждый его шаг сопровождался глухим стуком каблуков и цоканьем копыт. Сонные лавочники только начинали открывать свои ставни. Город медленно оживал. В воздухе витал запах свежеиспечённого хлеба и дыма разгорающихся очагов.

В четвёртый раз проходя мимо крепкого здания напротив Храма с куцей серой колоннадой, чем-то очень напоминающего Королевский суд в Льене, он услышал тихий смех и перешёптывания. Голоса доносились из узкого переулка между двумя домами. Станные звуки для раннего утра. Он крепче сжал поводья Чумы и направился в ту сторону.

В тени переулка несколько оборванных мальчишек танцевали вокруг сидящего у серой стены нищего. Хихикали, дразнились, бросались комьями грязи, впрочем, не слишком метко. Сгорбленная фигура показалась франкийцу чем-то знакомой, и он подошёл ближе. Нищий вяло отмахивался от назойливых детей, но слишком уж осторожничал. Не орал, не пытался поймать поганцев и надрать им уши. Не то брезговал, не то...

— Эй вы! — рявкнул Огюст, и его голос эхом разнёсся по переулку. — Брысь отсюда!

Мальчишки подпрыгнули и брызнули в разные стороны, словно стая взъерошенных городских воробьёв.

Нищий поднял голову, и Огюст тут же узнал его. Тьен Оберлинг, конечно, очень старался замаскироваться: его лицо было весьма живописно покрыто грязью, а серая поношенная куртка изодрана в клочья.

— Огюст! — воскликнул Оберлинг, расправляя плечи и встряхиваясь совершенно по-собачьи, сбрасывая с себя остатки грязи и листьев. — Слава Фатуму, ты здесь! Где тебя черти носили?

Изумлённый франкиец бросил поводья на мостовую и протянул ладонь, помогая Оберлингу подняться. Его удивление было столь велико, что он даже не сразу нашёлся что сказать.

— И что это было, милорд? — как Огюст ни старался, но удержаться от смеха у него совершенно не выходило.

Оберлинг тяжело вздохнул, отряхивая живописные лохмотья, когда-то бывшие одеждой.

— Это долгая и печальная история, друг мой. О зажившем от спокойной жизни бывшем главном ловчем и о том, как полезны подобные выходы из столицы. Отрезвляюще, знаешь ли...

— И где ваша одежда, милорд? — спросил Огюст, всё ещё пытаясь сдержать смех.

— В лесу, под камнями. В ловчем управлении мне делать нечего, уверен, там уже все знают о моей отставке. И поэтому я думал, что местные оборванцы поделятся с нами... Впрочем, это уже совершенно неважно.

— Местные оборванцы не пожелали рассказывать сплетни и тайны Брюста какому-то льенскому проходимцу с сытой мордой, холёными руками и повадками ловчего? — Огюст громко хрюкнул и прикрыл рот кулаком. Его плечи тряслись от едва сдерживаемого смеха.

— Ты мог бы и промолчать, — громко рыкнул Тьен, подтягивая штаны, что вызвало новый приступ смеха у единственного невольного зрителя этой комичной сцены.

От громкого звука старушка Чума, всё это время вполне мирно дремавшая позади франкийца, вдруг нервно и тонко заржала и быстро попятилась.

— Придержи свою бедную лошадь. Она, кажется...

Тьен не успел договорить. Чума окончательно уверилась в страшной опасности, исходящей от оборотня, и, поразительным образом стремительно развернувшись в узком проёме проулка, рванула прочь. Скорость при этом старушка явила совершенно невероятную. Высоко задирая копыта и вскидывая ноги, она пронеслась по центральной городской площади, отлично видимой из переулка, и стремглав полетела куда-то... Домой?

— Зато теперь нам не нужно ломать голову и думать, куда деть её труп, — проводив лошадь взглядом, философски заметил Огюст.

— Хорошо! — Тьен отчего-то явно повеселел. — Тогда нам нужно найти место, где я могу привести себя в достойный вид. Я голоден, словно стая волков. И будь так любезен, оставь эти ехидные взгляды. Кое-что мне узнать удалось.

Огюст, всё ещё улыбаясь, кивнул.

— Договорились. Я тоже отчётливо чувствую, как мой желудок скоро начнёт грызть сам себя.

Тьен расправил широкие плечи, хмыкнул и увесисто хлопнул Огюста по спине.

— Вот это разговор! Я видел здесь миленькую таверну на окраине. Кажется, там не задают лишних вопросов, подают что-то съедобное и не пытаются обсчитать на каждом шагу. Но сначала — костюм. Надеюсь, свой увесистый кошелёк ты не оставил Чуме?

Огюст кисло поморщился. Ну конечно. Привычки высокородных везде неизменны: они вляпываются в неприятности по собственной глупости и самоуверенности, а бедные люди, случайно их спасшие, тут же вынуждены оплатить все расходы. И совершенно неважно, что деньги, приятно оттягивающие увесистый кошелёк на бедре, выданы были короной. Он-то на них уже твёрдо рассчитывал!

Бросив короткий взгляд на франкийца, Тьен широко улыбнулся, явно догадываясь обо всех тоскливых мыслях. Подчёркнуто поклонился, словно насмехаясь — и протянул широкую ладонь. “Кривляется”, — сердито подумал Огюст, ничего не ответив. Лишь громко вздохнул, достал свой кошелёк, отсчитал ровно пять золотых — да на эти деньги можно одеть весь экипаж дирижабля! — развернулся и зашагал в противоположную от центральной городской площади сторону. Где ещё может быть окраина? А если милорду не нравится этот путь — пусть шагает куда-нибудь дальше!

Маленький Брюст разительно отличался от столицы. Он даже поутру был суетливым и шумным. Торговцы с перебранками и шутками открывали свои лавки, улицы и площади заполнялись людьми. Все куда-то спешили. Всё же в столице народ куда приличнее. Никто не толпится на перекрёстках, не толкается, а тамошние мальчишки не носятся как оголтелые, сби-

вая людей с ног. И женщины в Льене другие, не такие яркие, не такие... заметные, пожалуй. Подобное многоцветье плащей и шляпок напоминало скорее ярмарочный карнавал, чем будний осенний день.

Тьен за франкийцем не пошёл. Взвесив в ладони тяжёлые империалы, он задумчиво качнул головой. Какое фиаско! Видел бы его Макс — и ближайшие полгода при каждом случае осыпал бы брата насмешками. Это ж надо было настолько растерять навыки! Это все проклятые доклады, отчёты и постылая кабинетная работа. Оберлинг давненько уж не бывал на самом глубоком дне города — на это у него имелись подчинённые. И хотя опыта ему было не занимать, именно столичная самоуверенность его и подвела. Но своих ошибок настоящие хищники не повторяют. Пора ему вспомнить себя. С этой мыслью он растворился в густой дымке утреннего городского тумана...

В таверне господ аэронавты встретились спустя час.

В маленьком тёплом зале было тихо и уютно. К величайшему удивлению франкийца, Тьен ухитрился его обогнать. Интересно, где этот пройдоха нашёл форму служащего железной дороги? Выбрав столик в углу, подальше от любопытных глаз, Оберлинг с завидным аппетитом поглощал сытный завтрак и живо листал свежую местную газету.

За широкой стойкой дремал толстый седой трактирщик. Народу здесь почти не было. Сглотнув вязкую слюну, Огюст попросил подать «то же самое, что господину путейцу» и кофе. Уверившись в том, что толстяк проснулся и принял заказ, молча направился к столику Тьена.

Устроившись на высоком стуле, он позволил себе очень пристально и даже нахально взглянуть в тарелку Оберлинга. Тьен оторвался от трапезы, окинул тяжёлым взглядом зал и спокойно заговорил:

— Бедняга, неужели ты заблудился? Ах да, ты же пешком... Понимаю, что ты расстроен потерей Чумы. Но в утешение тебе могу сказать, что нашёл здесь мобиль напрокат. Можешь рассчитывать на меня. В конце концов, у нас общее дело, мы в одной лодке.

Огюст ошарашенно вытаращил глаза. Тот приветственно поднял вилку и откровенно ухмыльнулся. Туше.

— Безмерно счастлив... — обиженно буркнул Огюст, нервно принохиваясь к божественному аромату жареных свиных колбасок. И к яичнице из полдюжину свежайших яиц. И к горячим ещё пирожкам. Не сдержавшись, он потянулся за крайним, лежавшим на большом глиняном блюде, и получил полный ярости взгляд всё ещё очень голодного волка. — Что у нас там с Морроузом?

— Этот засранец засел на болотах.

Тьен вмиг посерьёзней и тяжело вздохнул. Потом оглянулся на полную подавальщицу, не спешившую накормить бедного изголодавшегося Огюста, и придвинул поближе к несчастному злополучное блюдо с горячими пирожками.

— И зачем некроманта понесло на болота? — облегчённо вздохнув, франкиец зубами вцепился в тёплую и ароматную мякоть.

— Говорят, там восстала какая-то нечисть. Трясина вплотную подходит к старому городскому кладбищу. А Морроуз служит здесь по королевскому контракту. Придётся искать его. Карту ближайших окрестностей я прикупил. Могу добавить, что нам даже повезло. Приземлились мы аккурат возле тех самых болот, далеко идти не придётся.

Подавальщица, ползая, как сонная улитка, тяжело опустила на стол ещё одну сковороду с грудой колбасок, яичницей и золотистым беконом. Громко стукнула о столешницу глубокая кружка с горячим кофе. И пирожки, конечно же, божественно благоухающие пирожки! Кстати, с голодухи Огюст даже не заметил, с какой они были начинкой...

— И каков план? — забыв о приличиях, с набитым ртом спросил Шардан. Голод, конечно, лучшая приправа, но сто́ит отдать должное местному повару — кормили тут ничуть не хуже, чем в столичных ресторанах!

— Ты ведь не собираешься идти на местное кладбище с неизвестной нечистью безоружным? — Тьен аккуратно сложил газету и с сожалением взгляделся в опустевшую кружку. — Наши пукалки не в счёт. Доедай и поедем. Время дорогое. И мне что-то подсказывает, что Морроузу — тоже.

Глава 8. Непростительное

Лёжа на узкой и жёсткой койке у самой стены, я широко раскрытыми глазами смотрела, как Ли сосредоточенно одевался, даже не глядя в мою сторону. Поднял с пола кожаный шнурок и привычным движением затянул волосы в хвост. Рассеянным взглядом окинул каюту и двинулся к выходу. С тихим щелчком док отпер дверь и уже из коридора бросил мне:

— Отдыхай, тебе это нужно.

Дверь за ним закрылась, и я тут же села. Молча крутила в пальцах его очки и кусала губы. Неожиданный и неприятный финал. Кажется, тебя только что поймали, Оливия. Ты думала, что главная? Ошиблась. Ах, какое оскорбление — сбежать после самого чумового секса в моей жизни! Или он просто испугался? Мерзкие мысли лезли в голову, но... не вижу смысла думать о столь неприятных вещах.

В чём-то Ли прав: надо отдохнуть. Завтра день лёгким не будет. Не бывает теперь лёгких дней. Вернутся Тьен и Огюст, притащат с собой незнакомца с тёмным даром, и мы полетим дальше. Куда — один Оберлинг ведаёт.

Я прикрыла глаза, расслабляясь и наслаждаясь отголосками приятной усталости в теле. Почему я вдруг решила, что доктор имел в виду что-то оскорбительное? Тон мне не понравился? Какая глупость! Про пилули сказал? Ответственный. Заботливый. К тому же — лекарь. Я-то в угаре страсти и не подумала бы о такой важной вещи. А что сбежал... просто не хотел меня смущать.

Точно. Я всё придумала. Не было на самом деле ничего, кроме жарких поцелуев и нежных объятий. Убедив себя в этом, я крепко заснула, а наутро проснулась свежей, бодрой и в прекрасном настроении.

Напевая, надела мужские брюки, чёрную рубашку и жилет — захотелось быть дерзкой и вызывающей. Скромница на этом дирижабле никого не интересует. Док, как оказалось, вовсе не пуританин, так зачем мне строить из себя невинность? Волосы собрала в банальный пучок. Взглянула в карманное зеркало, полюбовалась припухшими и яркими после вчерашних поцелуев губами. Хороша! Никто не устоит!

Судя по голосам в салоне, наши спутники уже вернулись. Жаль. Могли бы и подольше погулять.

Я заглянула в кают-компанию и никаких некромантов там не обнаружила. Странно, странно. Тьен, развалившийся в кресле, широко зевнул, не обращая на меня никакого внимания. А Ли...

Ли приветствовал меня совершенно равнодушно. Кивнул серьёзно, поправил очки (точную копию тех, что были у меня в кармане) и продолжил свой разговор с Яхором.

Зато тут же подскочил Огюст, предлагая подушку под спину, чай, завтрак, вечную любовь, кошелёк или жизнь... Его услужливость раздражала, и он прекрасно это знал. Мы с ним всё же так похожи: оба авантюристы, которым плевать на всё, кроме своих желаний. Но у него, кажется, ко мне слабость... а у меня слабость к его слабостям. Друг он отличный, но как мужчина... увольте. Я дважды не наступаю на грабли.

Тьен пил свой кофе и с молчаливой насмешкой наблюдал за нами. Ледяные глаза, холодный рассудок. Страшный человек, глубокий, как омут.

— И что дальше? — разбил хрупкое молчание вопрос Яхора. — Ты уверен, что вам стоит лезть на болота?

Видимо, продолжался разговор, начала которого я не застала.

— Маг его силы явно скучает в сонном Брюсте... — Тьен вдруг поморщился, словно воспоминания об упомянутом городе ему были неприятны. Выходящий из кают-компания Огюст громко фыркнул, за что тут же был удостоен яростного взгляда милорда. Интересно, что у них

там такого случилось в “сонном Брюсте”? — К тому же — продолжил милорд после короткой паузы, — все некроманты ужасно упрямы. Если Морроуз засел там в засаде, — дожидаться его появления мы можем ещё пару месяцев. Нет, немыслимо. Мы с Огюстом ходим на прогулку, его поищем. Заодно и поможем. Не сто́ит тратить время зря.

Яхор кивнул. Огюст принёс ещё один пузатый кофейник. На этот раз на столе появился хлеб, сыр и свежие сливки. Настоящий пир... да только мне кусок в горло не лез. Завтрак прошёл напряжённо, во всяком случае, для меня. Я пыталась поймать взгляд дока, но увы, не вышло. Ли был одинаково учтив со всеми. Ничего больше. Как и всегда. Крысий дьявол, даже в глазах Яхора больше интереса! Что же получается, или для дока это было в порядке вещей, или он сознательно меня игнорирует? Ну нет, я этого так не оставлю!

Поднявшись из-за стола после завтрака, я поймала его возле иллюминатора, осторожно коснулась рукава и тихо напомнила:

— Ты говорил про пилюли.

— Да, я помню. Сейчас принесу.

Он медленно развернулся и вышел, продемонстрировав мне напряжённую спину.

— У тебя что-то болит, Лив? — нахмурился Яхор. — Может быть, оставить тебя в Брюсте?

— О нет! — запротестовала я. — Доктор обещал мне... что-нибудь для здорового сна. Бессонница, знаешь ли, крайне неприятная штука.

И прежде чем меня поймали на откровенной лжи, я быстро выскользнула из кают-компании следом за Ли. Место, где находится медицинский отсек, было несложно запомнить. Овальная дверь в лёгкой перегородке была приоткрыта, за ней молча маячила рослая фигура доктора. Остановившись на входе, я словно бы натолкнулась на его нечитаемый взгляд.

— Я бы принёс.

Его голос прозвучал очень мягко, но отстранённо.

— Я хотела поговорить.

Развернувшись ко мне, док устало опёрся бедром о стальной полированный столик и аккуратно поправил очки, гордо венчающие высокую переносицу.

— Оливия... — глубоко вздохнув, он покрутил в пальцах тёмную стеклянную баночку с рассыпчато звякнувшими в ней пилюлями и поморщился. — Боюсь, что нам не о чем разговаривать.

— Мы вчера...

В ответ доктор медленно поднял на меня светлый взгляд и произнёс совершенно спокойно:

— Это больше не повторится.

— Почему? — изумилась я искренне.

— Зачем? — док приподнял тёмную бровь, словно подчёркивая вопрос. — Чтобы стать... как это говорят в ловчей службе... очередной зарубкой на рукояти твоего револьвера? Сомнительной чести трофей, я тебя уверяю. Тебе не сто́ит тратить силы и время на обычного лекаря.

— Не понимаю.

— Оливия, — тяжкий вздох. — Список твоих побед впечатляет. Тьен, Огюст... теперь я. Ты же нами играешь. Тебе весело, мне не очень.

— Я не спала с Тьеном! — возмутилась я. — И вообще, он только жену любит!

— А с Огюстом?

— Ты-то откуда знаешь?

— В сущности, какая разница. Мне нет дела до них, я всего лишь не желаю стать твоей куклой. Наиграешься и сломаешь. Или просто забудешь в саду?

— Вот он болтун! — с досадой пробормотала я. — Ли, послушай, всё совсем не так! Это всё было давно. И я испытывала к нему серьёзные чувства. А Тьен... Ну... здоровое любопытство. Он знатный, красивый, сильный... Я знакома с тобой ещё не была!

— Видишь, по сравнению с ними я выгляжу жалко. Ни чувств, ни красоты. Я тебе совершенно не нужен.

Зачем я ему отчитываюсь? Что за бред? И что, теперь сказать, что с ним было лучше всех? Унизительно и глупо.

— Или я стал диковинкой в твоей коллекции? Сильный лекарь, вдовец — не самая сложная добыча, не так ли? Или ты просто не можешь общаться с мужчинами, предварительно не разбив их сердце?

— Это у кого тут сердце разбито? — я громко фыркнула, сразу вспомнив свои пролитые после побега франкийца слёзы. Чьё ещё сердце пострадало... — У Огюста, что ли? У него вместо сердца сейфовый замок, не обольщайся.

Ли поднял руки в примирительном жесте, словно обороняясь.

— Извини, но мы явно сейчас говорим не о нём. Дело во мне. Я совсем не хочу стать Огюстом. Преданно и с собачьей надеждой заглядывать в твои глаза? Уволь.

— А что тогда было вчера? — разозлилась я.

— Ты красивая девушка, Лив. А я всего лишь мужчина. Если женщина просит, разве вправе я ей отказать?

— Что?

— Я не каменный. Ты горячая, страстная, великолепная и прекрасно владеешь своим соблазнительным арсеналом. Пилюли возьми. С твоим темпераментом...

Опалив его взглядом, я выхватила бутылочку из рук оторопевшего (я очень надеюсь) доктора и пулей выскочила в коридор.

Не помню, как я вернулась в свою каюту. Мне было больно, обидно. Он во всём прав, конечно. Я — женщина с прошлым, и этого уже не изменить. Великолепная? Я воровка, преступница. Дитя улицы, с рождения не получившее хоть сколько-нибудь добродетели, положенной приличной девушке. У меня никогда её не было. Я лгала, как дышала, завидовала, ненавидела, была наотмашь, отлично стреляла и грязно ругалась. Любви в моей жизни всегда было очень немного. Крохотные крупички, словно случайно подобранные на мостовой.

А он... в нём был какой-то свет, на который я летела, как мотылёк. Совершенно естественная чистота и покой. Он был похож на глубокую реку, мирно несущую свои тёплые воды. На её берег меня подпустили всего на мгновение. Так... замочить ноги, не больше. А хотелось нырнуть с головой. Спрятаться в его сильных руках, укрыться в тепле его глаз. Но... я ему не нужна. Мне жаль.

Я никому не нужна.

Да пошли они все в крысью задницу!

Вот что — мне срочно необходимо на твёрдую землю. Проветрить голову. Решительно оглядела себя: удобные штаны, высокие ботинки. Кобура с любимым револьвером под жилетом лежит в сундуке, нацепить её было делом пары минут. И прекрасный наряд для прогулки готов. Схватила плащ и перчатки, нахлобучила шляпу и вылетела на мостик. Вовремя. Огюст уже полз вниз по лестнице, а Тьен тихо беседовал с инженером.

— Куда это ты собралась такая красивая? — нахмурил он брови, переведя взгляд на меня.

— Иду с вами.

— Сдурела? У нас нынче не запланирован променад по галантерейным лавкам.

Он был сердит, но, кажется, не на меня.

— Я схожу с ума от безделья, — взмолилась я. — Тьен, ну пожалуйста! Вы же не в город идёте, а на болота искать некроманта! У меня есть револьвер с серебряными пулями, я меткая, ты же помнишь! Я ни на шаг от вас не отойду, буду во всём слушаться!

В холодных глазах ловчего мелькнула тень сомнения, и я продолжила атаку.

— А ещё я внимательная и осторожная. Зачем-то ты взял меня в экспедицию?

— Бес с тобой, пошли. Спускайся за Огюстом. Ох уж эти женщины, одни тревоги от них! И только попробуй послушаться! Оставлю тебя на попечение местным монашкам.

Зло произнёс, развернулся и соскользнул со стальной лестницы мостика на палубу ниже.

Я спрятала торжествующую улыбку в высоком вороте плаща, пританцовывая от нетерпения. Моего плеча коснулись чьи-то пальцы. Яхор? Что ему от меня нужно? Обернулась и рвано выдохнула, неожиданно попадая в плен холодных голубых глаз.

— Лив, я хочу извиниться, — Ли был серьёзен и немного смущён. — Я наговорил лишнего. Судить тебя низко и не в моих правилах. Я был непозволительно-малодушен. Взрослый мужчина не вправе винить в собственных слабостях молодую красивую женщину. Не кори себя за вчерашнее.

В глазах зашипало. Так ещё хуже. Ему и в самом деле наплевать. Он не ревнует, ему просто всё равно. Хотелось закричать на него, возможно, даже ударить, но я криво улыбнулась и буркнула:

— Забыли.

— Лив, я...

— Или ты спускаешься, или мы уходим без тебя! — раздался снизу нетерпеливый окрик уже поднявшегося обратно Тьена.

Я тут же полезла через поручень. Ли попытался меня поддержать, но я гневно сбросила его руку, окатив дока презрительным взглядом. Нет уж, не нужно мне твоей помощи. И жалости тоже не надо. Ничего, я переживу. Не первый раз.

К демонам, в крысью задницу, к зловонным болотам! Куда угодно, только б не видеть этот укоризненный и сочувственный взгляд!

Глава 9. Болотные твари

Наш путь к Большому болоту, раскинувшему свои мшистые топи у самого города, был не слишком далёким, но утомительным. Молча погрузившись в порядком потёртый и отчаянно грязный мобиль, с оглушительным рёвом мы развернулись у домика с дирижаблем и направились к дальней окраине Брюста, ориентируясь по карте, нарисованной карандашом на клочке промасленной бумаги.

Дорога петляла по мрачному голому лесу, и мне упорно казалось, что каждый крутой поворот таит в себе неминуемую опасность.

Мужчины молчали. Огюст выворачивал руль, обнаружив весьма основательный опыт шофёра, прежде скрывааемый от меня. Тьен сосредоточенно изучал свою карту, выглядывая через заляпанное грязью стекло салона, мрачно шурясь и делая в ней пометки порядком обгрызенным карандашом.

— Нам нужно держаться восточнее, — произнёс он громко, не сводя взгляда с обрывка бумаги. — Болото лежит между городом и хребтом. Наше пристанище недалеко от предгорья. Скоро должен быть левый поворот на старую дорогу к кладбищу.

Огюст только коротко кивнул, его лицо было сосредоточенно и серьёзно.

— Судя по тому, что я успел заметить в Брюсте, ловчих патрулей опасаться нам не следует, — проговорил еле слышно франкиец, и я готова была поклясться, что в его голосе прозвучала ирония. — Невзирая на некоторые... — здесь он громко кашлянул, словно пытаясь сдержаться от смеха, — непреодолимые обстоятельства, мы умудрились остаться для них незамеченными.

Тьен кисло поморщился, бросив предупредительный взгляд на Огюста. Тот громко фыркнул и издевательски оскалился. Что случилось у них в этом Брюсте? Оставалось лишь только догадываться.

Мобиль мчался по едва прихваченной свежим утренним морозом дороге, поднимая фонтаны жидкой грязи и мелко расколотого льда.

Показавшиеся было справа покосившиеся заброшенные постройки быстро остались позади, и перед нами опять поднялась стена векового леса. Мобиль немного притормозил, Огюст чрезвычайно внимательно вглядывался в дорогу, и уже очень скоро мы свернули с тракта на узкую тропу, ведущую, очевидно, к болотам.

— Будьте начеку, — предупредил вдруг громко Тьен. — Горожане болтали, что ещё прошлой весной здесь объявился демон и основательно прижился. Если что вдруг почувствуешь, Лив, не молчи.

Я только фыркнула. Скажет он тоже, — демон! Каждый знает, что их не бывает. Местные жители — те ещё сказочники.

Мы ехали медленно. Лес становился всё гуще, и вскоре мобиль уже с трудом пробирался через заросли. Чертыхаясь сквозь зубы, Огюст остановил машину, и нам пришлось выйти. Лес неожиданно стал словно ниже, могучие великаны деревьев уступили место чахлым колючим сосенкам и ёлочкам. Дорога же окончательно превратилась в прихотливо петлявшую среди зарослей тропу. Дальше пошли пешком.

— Впереди кладбище, — тихо рыкнул Тьен, указывая на неожиданно выступившие среди деревьев серые камни старинных надгробий. — Смотрим под ноги.

Мы осторожно продвигались по древнему кладбищу, каждый шаг сопровождался скрипом мха под ботинками. Тьен шёл впереди, держа револьвер наготове, Огюст следовал за ним, а я замыкала шествие, внимательно оглядываясь по сторонам. Почва становилась всё мягче, подозрительно похлопывала и проваливалась под ногами. Запах сырости и гниения ощущался очень остро. Я старалась ступать след в след за Огюстом, опасаясь провалиться. Полянка

справа от тропы вдруг громко булькнула и зашевелилась. Хоть бы птица какая пролетела... Страшновато здесь даже в сопровождении двух крепких мужчин.

Внезапно Оберлинг остановился и поднял руку, призывая нас к тишине.

Я нервно застыла, прислушиваясь. Вдалеке послышался странный звук, похожий на шёпот.

— Это он, — сказал Оберлинг. — Некромант. Узнаю эманации смерти. Вы что же, не чувствуете?

Мы с Огюстом синхронно переглянулись. Я пожала плечами, франкиец лишь хмыкнул. Тьен укоризненно покачал головой и тихонько позвал:

— Эй, Морроуз...

— ... ко всем демонам! — донеслось со стороны болота довольно отчётливо.

Я немедленно почувствовала симпатию к незнакомому некроманту. Наш человек, видно с первого слова.

— Нам нужна твоя помощь!

— ... катись в преисподнюю на хромой кобыле!

Здесь ухмыльнулся даже Огюст.

— Именем короля! Эдвин Аристарх Гортрем, лорд Морроуз, я приказываю вам оказать всяческое содействие! — выложил Тьен последний козырь.

— Подите к блохастому бесу, Оберлинг, я вам не подчиняюсь. А королевских регалий у вас, хвала богине, пока нет, — за нашей спиной вдруг с треском раздвинулись непроходимые, казалось бы, кусты, — а голос звучал совсем с другой стороны. — Ого, да здесь целая делегация! Леди, милорды, с кем имею честь?

— Ты меня узнал? — раздосадованно уточнил Тьен, медленно оборачиваясь назад и зачем-то встряхнув злополучной картой. — Со мной мои люди.

— Какая неожиданная встреча! — Голос по-прежнему слышался со стороны трясины. — Разумеется, я узнал тебя, Оберлинг. На память не жалеюсь. Так что вы здесь забыли?

Кусты угрожающе шелестели колючими ветками.

— Нам нужен некромант.

Прозвучало не слишком уверенно.

— Какая жалость, ничем не могу вам помочь, — голос насмешливо хмыкнул где-то прямо над головами незадачливых визитёров. Тьен снова кисло поморщился. — Тем более что вас, милорд, кажется, выгнали со службы и даже объявили в розыск.

— Нет, не объявили, — громко фыркнул в ответ Оберлинг. — Послушай, Эдвин, давай забудем былые разногласия и поговорим как нормальные люди.

Несколько молчаливых минут мы разглядывали тусклую зелень болота и торчащие грибами камни надгробий. Кусты у тропы гулко треснули и окончательно расступились, выпуская фигуру весьма и весьма примечательную.

Я внимательно разглядывала незнакомца. Он был молод, болезненно бледен, ужасающе худ, нечеловечески грязен и жутко вонюч. Мокрые кожаные штаны облепили тощие бёдра, а в высоких сапогах громко хлюпала вода. Чёрная куртка казалась чуть суше, но и она пестрела буро-зелёными пятнами. Из-под широкополой шляпы, тоже грязной и мокрой, унылыми плетями свисали иссиня-чёрные волосы. Лица толком не было видно, лишь длинный нос острым клювом торчал из-под кожаных мокрых полей.

— Вам не холодно? — вырвалось у меня. — Сейчас осень, а вы весь мокрый.

— А... да. Я упал, — вдруг виновато мне улыбнувшись, невнятно пояснил Эдвин Аристарх как-его-там дальше. Склонил длинный нос к плечу, принюхался и тяжело вздохнул. — Вообще-то холодно. Вы мне отчаянно помешали, я ведь почти поймал его.

— Кого же? — я опять не смогла промолчать.

— Демона.

Я тихо выдохнула, нервно переступая с ноги на ногу. Только демонов нам здесь и не хватает. Даже не знаю, кто мне нравится больше — знакомые уже восставшие мертвецы или непонятные потусторонние существа, в существование которых я никогда не верила. Впрочем, я и в бродячих мертвецов раньше не верила.

— Откровенно говоря, миледи, это вовсе не демон, — очень точно поймав моё настроение, пояснил неожиданно некромант. — По косвенным признакам я подозреваю, что здесь хулиганит болотное умертвие. Сами посудите: появляется это существо не только ночью, но и днём, далеко от болота не отходит, обладает острыми зубами и длинными когтями, питается как падалью, так и живой плотью... И ещё оно ядовито.

Рассказывал все эти ужасы вид некромант совершенно восторженным голосом. Кажется, его весьма вдохновляла перспектива встречи с острыми зубами и длинными когтями. В отличие от меня.

Я невольно сделала шаг назад.

— И чему ты так радуешься? — недовольно спросил Тьен. — Что, так скучно жить в Брюсте? Или эта зверушка не слишком опасна?

— Ужасно опасна, — ухмыльнулся Морроуз, ловко сев прямо на землю и стаскивая сапог с правой ноги. Вылив из него воду, он вдруг прищурился и продолжил: — Она уже загрызла с дюжину овец, пару коров и раскопала несколько свежих могил. Горожане особенно расстроились тому, что их покойники пошли на корм какой-то болотной скотине. За овец они так не переживали, конечно. Но если это умертвие, то я знаю, как его уничтожить.

— И почему же не изничтожил?

— Вас дожидался, лорд Оберлинг, — в голосе некроманта сквозила ирония. — Мне нужна приманка. Так что вы там толковали о разногласиях? Самое время расставить все точки над “И”.

— Оборотень в качестве жертвы? — Тьен округлил глаза и сделал испуганный вид. Вышло не слишком убедительно. — Глупая это идея, Морроуз. Демоны брезгают оборотнями. У них от волков несварение. Но у нас есть целый граф Шардан. Чистый, сытый и аппетитный. К тому же — чрезмерно осведомлённый. Думаю, он подходит лучше.

Огюст с укоризной покосился на развеселившегося невесть чему Оберлинга и, преувеличенно тяжело вздохнув, коротко поклонился:

— Позвольте представиться, Огюст Шардан, чья излишняя осведомлённость так раздражает милорда Оберлинга. А эта прекрасная леди — мой добрый друг Оливия.

— Моё имя вы слышали, — пожал плечами некромант, легко поднимаясь с земли. — Что же, умертвие вы мне спугнули.

Где-то впереди послышалось пронзительное блеяние, а потом шум и треск кустов.

— И барана с нами больше нет. Хотя это утверждение можно оспорить, — некромант выразительно посмотрел на Оберлинга и хмыкнул, оглядывая свой кладбищенский вид. — Мне нужно переодеться. Тьфу, это уже четвёртый баран. Сомневаюсь, что корона оплатит эти расходы.

И не обращая на нас никакого внимания, Морроуз развернулся и пошагал куда-то. Мы переглянулись и последовали за ним. Ну не возвращаться же с пустыми руками! Что-то мне подсказывало, что второй раз некромант мог к нам и не выйти. На болоте он ориентировался явно лучше нас.

Глядя на его прямую и тощую спину, я вдруг отчётливо поняла: ершистый Морроуз Аристарх Эдвин как его там — явно наш человек. В странной команде летающего корабля уже есть бывший главный ловчий, инженер с механической рукой, авантюрист на службе короны и моралист-целитель. Лорд-некромант, прыгающий по болотам, очень органично впишется в столь любопытную компанию. Подумать только, я раньше думала, что аристократы только и делают, что пьют вино, играют в карты и танцуют на балах! Наверное, нормальные лорды и

леди именно так себя и ведут, но мне, к счастью, попались нетипичные представители древних родов. Зато с ними не скучно!

Глава 10. Лошадка

Древнее кладбище дышит туманом и холодом. Кости старинных надгробий, покрытые мхом и плющом, словно стражники, охраняют покой усопших. Сквозняки гуляет среди камней. Вдалеке белеют полуразрушенные склепы, их двери скрипят на ветру, словно жалуясь на одиночество и забвение.

В центре этого ужаса возвышается покосившаяся сторожка хранителя, зияющая, с выбитыми окнами. Её крыша, покрытая черепицей, местами обвалилась, обнажая замшелые тёмные балки, крупные трещины пронизывают стены. Дверь приоткрыта.

Морроуз уверенно направлялся туда. Молча переглянувшись, мужчины последовали за ним, Я замыкала шествие, тревожно оглядываясь по сторонам. Несмотря на унылую картину заброшенности, кое-какие могилы показались мне довольно свежими. Чёрная земля хранила следы... чьи-то следы. Не то особо упёртые граждане Брюста, не желая платить официальным службам за ритуалы погребения, прикапывали тут своих усопших, не то некромант развлекался. Впрочем, умеет ли он вообще веселиться, этот загадочный Морроуз? Знакомая всем Розанна не отличалась лёгкостью характера...

Нырнув вслед за некромантом в чрево ветхого строения, мы невольно поёжились. В ноздри ударил пронзительный запах гниения и плесени. Некромант щёлкнул пальцами, и сумрак рассеялся. Под низким потолком вспыхнул сноп кладбищенских огоньков. Тьен кажется, говорил, что даже такая роскошь, как дешёвый маг-фонарь, недоступна магам смерти. И только вняв жалобам Розанны, Яхор разработал универсальный светильник. Остальные же некроманты справлялись, как умели. Неплохо у них, стоило признать, выходило.

Массивный деревянный стол в центре комнаты был завален свитками и пергаменами. В углу виднелся старый камин, в котором тлели угли, едва согревая пространство вокруг. На стенах висели полки с книгами, многие из которых выглядели настолько древними, что казалось, они вот-вот рассыплются в прах.

Морроуз громко вздохнул, бросив мокрую шляпу на стол, и, неловко сложившись, упал на пронзительно скрипнувший стул у камина. Усталый взгляд чёрных глаз некроманта неожиданно остановился точнёхонько на мне.

— Добро пожаловать в мою скромную обитель, — хрипло произнёс он. — Не могу сказать, что рад вам, но ведь вы не отцепитесь, верно? Оберлинг, я надеюсь, у вас есть веская причина нарушить мои планы.

— Кхм... — пробормотал вяло Тьен и, обойдя стол по правую сторону, уселся на сомнительного вида табурет. — Видишь ли, Эд... Даже не знаю, с чего и начать...

— Тогда давай сразу закончим, — широко улыбнувшись в ответ, предложил ему негостеприимный хозяин. — Прощай, Оберлинг, я надеюсь тебя никогда не увидеть. С наилучшими пожеланиями, Эдвин Морроуз.

Не многие жители Галлии могли похвастать тем, что лицезрели смущённым главного ловчего (пусть даже бывшего). Я встревоженно поглядела на Огюста, ища хоть какой-то поддержки — ой, как мне вся эта ситуация не нравилась! Но франкиец поспешно отвернулся, делая вид, что внимательно изучает немудрёный рельеф закопчённого потолка.

— Эд, — начал Тьен, покачнувшись на табурете и стараясь придать своему голосу как можно больше искренней убедительности. — Мы с тобой в прошлом не всегда ладили, но сейчас всё иначе. Нам действительно нужна твоя помощь.

— Ничего нового, как я слышу, — Морроуз широко ухмыльнулся, снова бросив в мою сторону нечитаемый взгляд. — Пять лет назад ты был более убедителен. Запугивал одного юного некроманта казематами, намерением даже изгнать из страны... Чем ты собираешься повлиять на меня в этот раз? Ну же! Где хвалёное красноречие Оберлинга, я тебя не узнаю!

— Иди в крысью задницу, Эд! — устало взмахнув рукой, вдруг рассерженно рыкнул Тьен: — Лив, ну скажи ты ему!

— Нас тоже заставили... — с интересом рассматривая некроманта, фыркнула я. — Сначала меня чуть не съели умертвия, затем ловчие службы отобрали револьвер, потом и вовсе похитили. Ладно, допустим, стреляли в меня какие-то неизвестные личности, но вину я с тебя не снимаю. И вообще — у меня нет ни одного приличного платья! — вот тут мне сделалось ужасно жалко себя, я даже позволила себе театрально всхлипнуть.

— И чулок, и белья, — шёпотом подсказал Огюст, всё ещё тихо стоящий в дверях.

— Умертвия? — некромант даже подпрыгнул на месте, отчего его стул угрожающе заскрипел. — Вы столкнулись с умертвиями?

— И с кольцами, способными их поднимать, — я кивнула, оглядываясь в поисках стула.

Совершенно верно расценив мой взгляд, некромант подскочил, придвигая скрипучую мебель поближе и жестом приглашая присесть. В его чёрных глазах вспыхнуло яркое пламя жгучего интереса. Тьен, выглянувший из-за широкой спины хозяина кладбища, усиленно мне подмигивал и отчаянно жестикулировал, но я гордо игнорировала этого негодяя.

— Кольца... Где-то я слышал об этом. Секретная королевская миссия?

— Увы! — я развела руками, пытаюсь устроиться понадёжнее на несчастном стуле. — Не советую присоединяться к этой затее. Компания, как видите, у нас весьма сомнительна, один разжалованный главный ловчий чего стоит. Да ещё и передвигаемся мы по воздуху, на дирижабле. А денег пока я не видела. И не уверена, что доживу до...

— Лив, ты явно преувеличиваешь! — за спиной некроманта раздался негодующий голос Тьена.

— О, миледи, не слушайте этого оборотня! — беззвучно в ответ рассмеялся Морроуз. — Я бы с радостью влился в ваши ряды. Мертвецы, кольца, возможность насолить нашему королю, и к тому же — само путешествие по воздуху... Звучит весьма заманчиво. Но... Я не могу. У меня контракт, проклятое кладбище и взбесившийся демон в придачу.

— А если мы поможем тебе уничтожить демона? — предложил Оберлинг. В его голосе слышались какие-то безнадёжные нотки. Видимо, ему очень был нужен некромант, и ради этого он готов был... пойти на некоторые уступки.

— О да! — иронически бросила я. — Мы же так любим сражаться с какими-то демонами! Хлебом нас не корми, дай изгнать пару-тройку, да пострашнее. И на кладбище, непременно на древнем. Скажите, граф?

— Обожаем просто, — хрипло откликнулся Шардан.

— У меня всё равно нет идей... — усмехнувшись, руками развёл некромант. — Демон плотояден. Я приманивал его на деревенских баранов, но... Они, как вы успели услышать, — закончились. А на оборотней, боюсь... — неожиданно развернувшись, Морроуз поймал ошарашенный взгляд Оберлинга, — ни один демон не клонет.

— Очень, очень плохая идея... — начал было Тьен, но за окнами послышался подозрительный шум. Треск кустов, хруст... не иначе как выламываемых костей. Я тревожно оглянулась и поёжилась. Мои защитнички как-то побледнели.

От гулко толчка в стену дома с потолка посыпалась тёмная штукатурка.

— Демон?! — я подскочила, оказавшись нос к носу с Морроузом.

— Хм... — он задумчиво почесал этот длинный нос, не сводя с меня взгляда. — До сих пор он себе подобного не позволял.

— До сих пор я не верила в демонов! — я ощутила себя глупой мышью в коробке. — Он... уже не очень голоден, да? Закусил парой ваших баранов и пришёл пообщаться, ведь так?

— Почуял родственника в лице Оберлинга, — сдавленно хрюкнул Шардан. — Явился поздороваться.

— Не хотел бы разочаровывать вас, миледи, но демоны не...

Снаружи раздался отчётливый топот и скрежет зубов, словно кто-то пытался прогрызть угол стены. И гулкие вздохи. И такой звук, какой бывает, если бурчит в животе.

— Вы слышите, он всё ещё голоден!.. — я нервно всхлипнула, вдруг вспомнив, что среди присутствующих нет того человека, за спину которого я могла бы спрятаться. Все, кто тут имелся, доверия мне не внушали. Разве что Морроуз ещё не успел никак мне насолить. — Господа! Немедленно прогоните его! Милорд Оберлинг, вы же — главный ловчий!

— Бывший, Лив, бывший, — снова задумчиво почесал нос Тьен.

— Да? И что это меняет! Идите вперёд и не смейте позорить своего короля! — Никогда я так не верила в наше правительство... И уж точно не просила его о помощи!

— Оливия, говоря откровенно... — начал было Оберлинг, но его перебили.

— Это не демон... — задумчиво проговорил вдруг к чему-то приняхавшийся некромант. — Это какое-то старое и испуганное животное.

Он стремительно подошёл к грязному и разошедшемуся окну и толкнул его створку. Та издала прощальный всхлип и выпала из оконного проёма на улицу. Целиком, вместе с мутными стёклами и рамой. Из образовавшейся дыры пахнуло болотным туманом. И... свежим навозом. Секунду спустя в окно сунулась опухшая зубастая морда. В темноте она всем показала невероятно зловещей.

Чудовище хрюкнуло и печально вздохнуло, шевеля губами.

— Демон! — Я совершенно позорно завизжала, Тьен громко выругался, а потом седая морда и Шардан одновременно заржали.

— Это Чума!

— Это лошадь, — задумчиво произнёс некромант. — Живая, тёплая лошадь.

— Самое Чуме место на кладбище, — согласился франкиец. — Она просто пришла умирать.

— И это замечательно! Наши с ней планы вполне совпадают! — возбуждённо проговорил Эдвин. — Предлагаю облегчить её участь. Скормим демону вашу старушку! Эту грудку костей он будет долго и трудно жевать, а я пока его изничтожу!

Не бывает хороших мужчин. Не прошло и получаса с момента знакомства, как этот... Морроуз меня сокрушительно разочаровал! Скормить бедное больное животное, на старости лет пришедшее к людям за помощью, какому-то злобному демону? Как он мог только додуматься? Мужчинам лишь бы «изничтожать». Я презрительно посмотрела на некроманта, но тому было явно не до меня. Развернувшись к столу, он судорожно рылся в беспорядочно лежащих старых свитках и что-то беззвучно шептал. Тьен чесал бедную лошадь за ухом, франкиец и вовсе сделал вид, что его здесь нет. Обо мне все забыли. Напрасно...

— А этот демон, он очень страшный? — громко спросила я.

— Очень, — не поворачивая головы, пробормотал некромант. — Представьте себе пса размером с телёнка... Зубастого мёртвого пса, светящегося в темноте! Я его видел пару раз, поверьте, зрелище ужасающее!

Ещё и собачка ему помешала! Что она сделала этому злобному человеку? Подумаешь, кладбище беспокоится... Не проще ли было построить повыше забор и отстать от зверей? Так нет, надо убить.

Я любила животных. Лошадей, кошек, но особенно собак... Крыс только терпеть не могла, но и их не трогала. Зачем? Судя по содержимому помоек, еды хватит на всех...

Так не пойдёт. Что бы там ни решил этот злобный Морроуз, а ни старая усталая лошадь, ни собачка страдать не должны.

А некромант с энтузиазмом продолжал:

— Эти твари чрезвычайно живучи. Их не так-то просто прикончить. На них даже серебряные пули не действуют, я пробовал. А вот заклинания... Да! Вот оно, нашёл. То место, где упокоилась его хозяйка, я тоже нашёл...

— Хозяйка? — ахнула я громко. У меня не было слов. Только и могла, что повторять за ним, как учёный ворон.

— Ну да, это же пёс. Он и после смерти сторожит покой своей хозяйки. Девчушка утонула в болоте. Её похоронили тут же, на кладбище...

В ответ я промолчала и отошла в тень двери, стараясь больше не привлекать к себе внимания мужчин. После всего здесь услышанного я окончательно убедилась в правильности своего решения.

Глава 11. И покойник

— Чтобы надёжно изгнать стихийно возникшего демона, нужно... — Морроуз рылся по столу, переворачивая свитки, и выглядел невероятно азартным.

— А где Лив? — перебил его Тьен, зачем-то выглядывая в окно.

Спрятаться в крошечной сторожке было решительно негде.

— Вышла подышать? — неуверенно предположил Огюст, сунув голову за дверь и ничего нового там не обнаружив.

— На кладбище? — справедливо удивился Оберлинг. — Туда, где бродят демоны и... кто тут ещё, Морроуз? Точно же есть ещё кто-то. Древние упокоения вечно кишат всякой нечистью.

— На вверенном мне кладбище полный порядок! — внезапно обиделся некромант.

— Это заметно... — громко фыркнул Огюст, за что получил сразу два яростных взгляда.

— Осталась всего пара духов, руки до них не доходят, — Морроуз наконец нашёл на столе большой круглый камень, изрезанный рунами, и пытался протереть его рукавом. — И один упырь, но безобидный. Бывший сторож, он только воет и машет руками, а зубов у него ещё при жизни не осталось. Я его не трогаю, пусть охраняет. Зато бесплатно.

— Огюст, это ты её упустил! — раздражённо рыкнул Тьен. — На улицу, живо! Может, она не успела уйти далеко. Быстро!

Франкиец выразительно посмотрел на лидера их маленького отряда, но спорить не стал, выскользнув за дверь.

— Её нигде нет! — спустя несколько долгих минут раздался его крик.

Тьен свистяще выругался, помянув неизвестную ему матушку Огюста, непокорных женщин и всех демонов мира.

— Моя матушка — святая женщина! — возмутился Шардан, повиснув в разбитом оконном проёме. — Попрошу ругаться на другую мать!

— Постой, ты же сирота? — неизвестно зачем спросил Тьен, будто ему было дело до семейной истории льенского вора.

— Нет, мои родители живы и здоровы.

Тьен поморщился. Не любил он такие неучтённые детали. Значит, в его досье закралась погрешность. Нужно будет уточнить.

Слишком много ошибок! И самая глупая из них — взять с собой Оливию! Ведь знал же про её взбалмошный характер и пагубную тягу к опасным приключениям, но пожалел. Вид у девчонки был как у побитой собаки. Впрочем, и доктор Ли прятал глаза и вёл себя странно. Что-то между ними произошло, не иначе как разругались. Странно, но с кем не бывает. Лив — всего лишь женщина. Смелая, дерзкая, привычная ко всякому, но всё же куда более уязвимая, чем любой из них.

Итак, куда могла деться эта неугомонная? Морроуз снова что-то искал. Интересно, как он собирается проводить ритуал, если не держит в порядке свои артефакты? Чует подхвостие Тьена — ещё намучаются они с этим некромантом...

Не доверяя Огюсту, оборотень вышел из сторожки и принялся. Крысий потрох, а туман тут откуда? Ещё полчаса назад было достаточно ясно! И запах Лив словно прятался в этом тумане...

— А где ваша лошадь? — раздался за спиной голос Морроуза, и до Тьена, наконец, дошло очевидное.

— Там же, где наша графиня, — прошипел он сквозь зубы. — Мы идиоты, Морроуз, форменные идиоты!

— Говори, пожалуйста, за себя. Я был занят подготовкой к обряду развоплощения. А вы вдвоём умудрились упустить не только вполне безобидную леди, но ещё и полудохлую старую лошадь? Узнаю работу настоящих профессионалов. Мне сразу же захотелось стать вашим коллегой, милорд.

Тьена передёрнуло. Он физически не терпел некромантов. К тому же его любимая дочь исхитрилась родиться именно в то достопамятное время, как Его Величество издал указ о строгом контроле над магами смерти. Плод горячей любви четы Оберлингов с рождения обладал семейным темпераментом и не спал толком ни днём, ни ночью. Голос у малышки был тоже семейный. Тьен мужественно разделял с измученной супругой все тяготы родительства, а когда у малышки полезли первые зубки, в Управлении от него шарахались решительно все подчинённые, включая двух призраков на чердаке.

Оберлинг и в лучшее время не отличался покладистостью, а уж если не выспался... Словом, Морроузу тогда крайне не повезло. Он попал под горячую руку весьма раздражённого Оберлинга. А ведь некроманту в то время было около двадцати, совсем ещё юноша...

Эдвину было за что не любить ловчую службу в целом и её бывшего главу в частности. Хорошо ещё, что некромант остался в Галлии, а мог бы покинуть родину. В дружественной Франкии к магам смерти относились куда приветливее.

Тьен тяжело вздохнул, устало потёр лицо и признался:

— Если бы здесь была Софи... она бы увела лошадь как можно дальше. Женщины всегда жалеют сырых и убогих. Как я не подумал...

— Софи — это ваша супруга? — проявил редкую осведомлённость некромант. — Такая рыженькая? Репортёрша?

— Не репортёрша, а главный корреспондент «Льенских новостей».

— Я так и сказал, — Морроуз вдруг с силой хлопнул Тьена по плечу. И удар у этого хлюпика был куда тяжелее, чем можно было ожидать. — Ну что ж, пойдёмте искать беглянок. Только лопату нужно прихватить.

— Зачем лопата? — с опаской уточнил Огюст, вдруг возникший за их спинами.

— Я ведь рассказывал про бесплатного сторожа? Тот ещё персонаж... Иногда он шалит: заманивает людей в могилы. Его можно простить, это древнее кладбище — место скучное даже для вурдалаков. Возможно, леди уже нужна помощь.

Огюст тяжело вздохнул. Он уже догадался, что в компании столь знатных лордов роль могильщика отведена фальшивому графу. И поскольку милорды стояли как вкопанные, сходил в домик за лопатой.

— Ой, и не нравится мне этот туман, — тоскливо пробормотал Морроуз, зябко поёжившись и щурясь. — Демон уже где-то близко. Он всегда приходит в тумане.

Где-то вдалеке раздалось тихое ржание, но вязкий туман тут же коварно рассыпался эхом, и понять, в какую сторону бежать, было решительно невозможно.

— Лошадка? — неуверенно спросил Огюст. — Кажется, это она.

Тьен, наконец, отмер, встряхнулся и бросил:

— Пойду волком по следам. Так быстрее всего.

Морроуз равнодушно пожал плечами и отвернулся. Он на своей службе, разумеется, видел и не такое. А вот Шардан уставился во все глаза, ведь ему впервые выпал шанс взглянуть на оборот.

— Вообще-то вы сейчас демонстрируете в высшей степени неприличное поведение, — мягко сообщил некромант, не оглядываясь. — Процесс обращения некрасив и болезнен. Оборотни крайне не любят делать это в чьём-то присутствии. У него просто нет выбора.

Огюст вздрогнул и развернулся в сторону кладбища. Ну ему-то откуда было знать? Оберлинг — первый оборотень, с которым он работает бок о бок. Вообще франкиец имел множество знакомых и приятелей, но никого не мог назвать другом. Такова расплата за жизнь, пол-

ную опасностей и приключений. Оливия и вовсе была единственной, с кем он сошёлся так близко. Наверное, потому он и сбежал — испугался, что всё стало слишком серьёзно.

Глухое рычание сзади сообщило мужчинам, что пора выдвигаться. Перехватив поудобнее лопату, Огюст двинулся следом за обогнавшим их крупным серым волком, стараясь, впрочем, держаться за спиной некроманта, который явно знал эти места лучше своих невольных спутников.

Волк не спешил, шёл медленно, степенно, низко опустив голову и то и дело тыкаясь мордой в холодную влажную землю. Замирал, будто задумавшись, поднимал острые уши, мотал головой, снова шёл вперёд, то и дело сбиваясь со следа. Огюст тоскливо думал, что Лив, наверное, петляла, как заяц. Эта удивительная женщина могла быть весьма коварной.

Неожиданно волк вскинул голову, низко, утробно рыкнул и метнулся в сторону так быстро, что Морроуз чуть не упал, повернув за ним. Побежал следом, что-то злобно бормоча под нос — Огюст не расслышал, да и не больно-то хотелось. Постоянно проваливаясь в грязь, франкиец поковылял за ними. У него напрочь размокли ботинки. Не самое приятное ощущение, как бы не простыть!

Тропа вдруг закончилась. Оборотень резко остановился и замер над свежей могилой.

— Там — Лив? — с ужасом уточнил франкиец. — Она... её...

Морроуз упал на колени, приложил обе ладони к земле и покачал головой:

— Там живое. Определённо живое, не нечисть и не умертвие. Не знаю кто. Ну, человек, это понятно. Вряд ли леди. Когда б она успела закопаться? — оглянувшись на Тьена, он неожиданно прямо спросил: — Что мы будем делать?

Станный вопрос повис в воздухе. Бросать живого под землёй было сущим кошунством. Но Лив в опасности... И туман этот, вязкий и липкий, хищно цеплялся за рукава, охлаждал щёки, стекал с волос за шиворот. Вдалеке раздался жуткий, душераздирающий вой.

Огюст в несколько быстрых шагов подошёл к холмику старой могилы и решительно воткнул лопату в землю. Лив — девочка взрослая. Убежала она сама, никто её не прогонял. Придётся ей потерпеть.

Волк тяжело вздохнул, обогнул покосившееся надгробие и принялся разгребать влажную землю могучими лапами. Порядком подмёрзшие комья полетели в разные стороны.

— Дай сюда, — прошипел лорд Морроуз, потомок древнего аристократического рода. — Ну кто так держит лопату! Ты хоть раз что-нибудь копал?

— Нет, — с облегчением признался Огюст, безропотно выпуская из рук быстро ставшее ненавистным орудие. — Я привык к куда более миниатюрным инструментам.

— Мастер тонких решений?

— Можно и так сказать.

С лопатой в умелых руках некроманта дело пошло ещё быстрее, и скоро послышался глухой стук металла об дерево. Огюст неожиданно и совершенно некстати подумал, что приличного человека вряд ли кто-то будет хоронить заживо. А вдруг там, под землёй, кто-то куда более опасный, чем... Впрочем, сложно предположить, что опытный маг смерти и сильный оборотень испугаются пусть даже и какого-нибудь несчастного убийцы. В крайнем случае, гроб (а в разверстой могиле оказался именно он) всегда можно будет закопать обратно.

Словно в ответ на его неприятные мысли, из-под деревянной крышки послышался стук и невнятный вой. Морроуз спрыгнул в могилу и с силой, которую трудно было предположить в столь худощавом человеке, потянул за крышку. Доски гроба рассыпались в щепки.

Кашляя и рыдая, из вороха гнили и тлена восстал безнадежно живой человек. Мужчина. Крупный, лысый и абсолютно голый.

Глава 12. И собаченька

— Чумушка, миленькая, Чумунюшка, золотая Чумичка, пойдём! — я тащила скотинку по кладбищу. Куда? Очень хороший вопрос. Точно — подальше от этих мужланов!

Кобыла не верила ни во что хорошее. Я даже ощущала в ней родственную душу: жизнь её здорово потрепала, она так одинока, всеми брошена, никому не нужна... Устало похрапывая, упирается изо всех своих старческих сил, нервно машет хвостом, весьма недвусмысленно высказывая своё отношение ко всему происходящему. В особенности — к странному туману и зловещему вою. Впрочем, я её тоже бесила.

— Фрум! — высказала мне эта старая кляча.

— Мы сейчас выйдем на тропу, я...

Тут я замолчала, смущённо смотря на несчастную лошадь. Захватывающий воображение план спасения бедных животных, ещё недавно казавшийся мне безупречным, дал сбой. Животные не желали спасаться. Тупая кобыла желала идти непременно на кладбище, в тот самый туман, где её ждала гибель в желудке демона.

Туман становился все гуще, клубился, оседал крупными каплями на лице и руках. Одежда прилипла к телу, в ботинках хлюпала ледяная вода. Поля шляпы уныло обвисли, мешая и без того скудному обзору. Несмотря на то, что вокруг стоял белый день, я, привыкшая к туманам Льена, совершенно потерялась в пространстве.

— Ты понимаешь, лошадка, в чем дело... — В очередной раз провалившись в какую-то лужу почти по колено, я грязно выругалась и выползла на очередную кочку. Не пойму, зачем строить кладбище на болоте? Полный бред! — Ты им нужна, как приманка. Помнишь, что говорил этот жестокий Морроуз?

Чума на меня покосилась и громко заржала. Чудовищный план некроманта ей тоже не понравился.

— Вот именно! — попытавшись отжать свои брюки, я лишь испачкала руки в болотной грязи. И когда я успела потерять перчатки? — Он сказал, что несчастная псинка слабеет, уйдя с могилы своей любимой хозяйки. Что для неразумного демона важен источник силы. Дескать, изгнать эту тварь они смогут, но на почтительном расстоянии от покойницы. Сам он неразумный! Разве можно так поступать с бедным животным?

— Грум! — громко ругнулась лошадь и снова упёрлась, натягивая поводья.

— Да, ты права... — поднимаясь с кочки, я провела рукой по лицу, с которого градом стекали капли воды. — Проклятый туман! Кажется, мы заблудились...

Лошадь вздохнула и отступила, с задумчивым выражением на морде что-то разглядывая за моей спиной.

— Ты же старая, да? — потянувшись к ней, я провела мокрой ладонью по влажной морде кобылы. — И наверное, умная, раз умудрилась прожить столько лет...

Возражать мне кобыла не стала. Только фыркнула и носом уткнулась в плечо.

— И на кладбище как-то попала, да, лошадка? Нам с тобой нужно уйти как можно дальше от кладбища. Демон не ходит далеко. Наверное. В Брюсте его точно не было. Выйдем на дорогу — и я тебя сразу отпущу, иди куда хочешь! Только подальше отсюда. И собачку несчастную они не смогут изгнать, и ты будешь цела. Поняла? Ты моя умница.

Умница слушала так внимательно, как будто действительно все понимала. Потом она громко фыркнула, встряхнулась (едва не упав) и, тяжело дыша, пошла по едва заметной тропинке. В самый туман. Туда, где мне не было видно даже вытянутой руки.

Минуту подумав, я решила положиться на волю Фатума и, тихо ругаясь, последовала за ней. Лошадь брела в тумане, шлепая по лужам и низко опустив голову. Оставалось надеяться, что животное не решило самоубиться, утонув в болоте, и меня с собой прихватить.

Под ногами, наконец, перестало хлопнуть. Чума вывела меня на твердую тропку, и это радовало. Из белой мглы то и дело вырастали покрытые мхом камни старинных надгробий. В полусумраке древнего кладбища мерцали болотные огоньки, тускло отсвечивающие плотную стену тумана. Неожиданно лошадь остановилась, всхлипнув как-то особенно печально. Заржала тонко, словно заплакала. Да я сама едва не заревела от жалости! Кажется, старушка все же решила закончить свой долгий век в такой располагающей обстановке. Я шла сзади и, уперевшись в угловатый зад старой кобылы, попыталась её пропихнуть чуть вперёд. Не тут-то было! Скотина наотрез не желала двигаться. Пришлось её обойти, по щиколотку утопая в обледелом кладбищенском мху.

Кобыла подвинулась, открывая мне вид на заброшенную могилу. Её невысокий холмик едва выступал из пушистого мха. Серый камень надгробия был на удивление гладким, на его тёмной поверхности пробегали зелёные блики. Вокруг клубилась жуткая тьма, и в центре этого мрака лежала чудовищная собака. Несмотря на то, что вид у неё был унылый, а голова устало лежала на лапах, безобидной эта тварь не выглядела. Зверюга действительно была размером с телёнка, с выступающих из огненной пасти чудовища острых зубов капала ядовито-зелёная слюна, короткая шерсть выступала на шкуре рваными белесыми клочьями и тускло светилась в сумраке древнего кладбища. Не сводя взгляда с лошади, кошмарная тварь подняла свою жуткую морду и страшно оскалилась. Её глаза горели зловещим огнём.

— Фу! — раздался вдруг чей-то голос. Женский. Очень похожий на мой. Кажется, это я и кричала на псину. Не понимаю, как мне такое в голову пришло!

В ответ демон поднялся с могилы и зарычал на меня низко и глухо.

Зрелище было настолько пугающим, что я буквально застыла, судорожно цепляясь в поводья и совершенно не в силах пошевелиться. Бежать? Эта тварь за мгновение догнала бы меня. И свернула бы мне шею. Передо мной стоял демон. Настоящее порождение Преисподней, средоточие тьмы, не какое-то там не сказочное чудовище. Тварь, внушающая ужас.

Но... Я ведь видела, как она понуро сидела на могиле погибшей хозяйки. Даже после смерти она охраняла. Служила. Верой и правдой. Потому что это не только демон, но и собака. Верный друг, любимый питомец, так и не простивший себе этой смерти.

У меня никогда не было животных, это слишком большая роскошь. Как взять ответственность за кого-то, если и сам не знаешь, что ты будешь завтра есть и где ляжешь спать? Да и опасно это — иметь что-то своё. Украдут, убьют, покалечат... Только чтобы уязвить меня. Но зверей я любила, они куда более честные, чем люди. И не предают.

— Фу! — снова крикнула я, на этот раз более уверенно. — Нельзя! Ко мне!

Собака вдруг замерла. Её огненные глаза на мгновение потускнели, и в них промелькнуло что-то похожее на узнавание. Неуверенно переступив с лапы на лапу, она медленно опустила голову и вздохнула. Огромное тело зверюги крупно дрожало, и я почувствовала, как тьма вокруг могилы начала рассеиваться.

— Хорошо, молодец. Иди ко мне...

Все ещё не веря в удачу, я осторожно похлопала себя по колену, приглашая зверя подойти ближе. Демон снова вздохнул, опустив огромную морду ещё ниже. Припадая на огромных лапах, осторожно приблизился ближе. Шаг, ещё шаг... Главное — не дать страху заставить меня отступить. Все собаки чувствуют страх. Это тоже простая собака, давно потерявшая свою хозяйку.

— Хороший пёс, хороший. Молодец...

Чем ближе ко мне подходило исчадие тьмы, тем очевиднее становилось: передо мной ещё один представитель мужского племени. Везёт мне на необычных мужчин. И на кобелей тоже везёт. Интересно, как оборотень отнесётся к такому соседству?

Подойдя ближе, пёс неожиданно тихо заскулил и осторожно ткнулся уродливой мордой в мою штанину, словно пытаясь напомнить о своей преданности.

— Хороший мальчик, — присела я, поглаживая его по голове. — Ты будешь моим?

Собака снова тихо заскулила и, положив голову мне на колени, легла рядом на мох. От неё исходило сухое и ласковое тепло, совершенно не обжигающее, мягкое. словно рядом зажегся домашний очаг.

— Умничка. Я буду звать тебя Демоном. Всегда мечтала о собаке. Пойдешь со мной? Я никому не дам тебя в обиду. А на кладбище тебя не оставят в покое. Придёт злой некромант и прогонит тебя.

Лошадь, почувствовав перемену, успокоилась, и, мерно что-то жуя, наблюдала за происходившим с выражением величайшего удовлетворения на седой морде.

А у меня на коленях вздыхала уже не страшная демоническая тварь, а преданная собака, ищущая утешения и понимания. Кажется, я нашла ключ к решению задачи кладбища некроманта Морроуза. Демон уйдёт вместе со мной, а мертвецы успокоятся. И пусть только попробуют мне запретить!

— Спасибо, малыш! — прошептала я, почёсывая собаку за ухом. — Теперь мы с тобой им покажем! Но ты же голоден, верно? А если я дам тебе магии? У меня её мало, но всё же...

— Миледи, вы живы? — раздался вдруг вопль не к ночи упомянутого некроманта. — Немедленно отойдите в сторону! Тьен, да стреляй же, стреляй!

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.